

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

УБИТЬ ГЕНЕРАЛА

Михаил Нестеров
Убить генерала

«ЭКСМО»

2005

Нестеров М. П.

Убить генерала / М. П. Нестеров — «Эксмо», 2005

Не думал снайпер Виктор Крапивин, что и на гражданке ему придется «работать по специальности». Только теперь он охотится не на чеченских горных «духов», а на родимых отечественных генералов. Месть заставляет Виктора стрелять, месть за товарищей погибших по вине бездарного командования. Тайная группировка «Второй кабинет» вложила в его руки снайперскую винтовку. И он виртуозно «исполнил» генерала Дронова, но только после этого понял, что стал пешкой в схватке все тех же генералов, дерущихся не за боевые высоты, а за высокие посты. Что ж, тем хуже для тех, кто «кидает» снайпера. Теперь его цель – генерал-майор Свердлин, не простой генерал, а личный телохранитель президента. К такому на пушечный выстрел не подойдешь. Но, как известно на хитрую мишень и винтовка с особым патроном...

© Нестеров М. П., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Михаил Нестеров

Убить генерала

Если ты сумел попасть в бекаса, то попадешь в любую цель.
Английская поговорка

Человек может быть хорошим только вынужденно.
Макиавелли

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.

Часть I Снайпер

Глава 1 На огневой позиции

7 августа 2004 года, суббота

Близнец сидел в полутора метрах от балконной двери, открытой настежь. Несколько прутьев ограждающей решетки были спилены, и сквозь образовавшуюся брешь стрелок видел участок дороги, отстоящий от огневой позиции на несколько сотен метров. Через эту брешь он должен будет произвести всего один выстрел...

Стрельба по движущейся цели. Лучшие результаты дает стрельба на упреждение, когда снайпер ведет винтовку непрерывно по линии движения и производит выстрел, не останавливая поводку оружия. Этот прием в своей практике Виктор Крапивин по кличке Близнец использовал не раз, и он всегда себя оправдывал. Навык сохранения оружия в постоянном движении был доведен им до автоматизма, от начала прицеливания и до того момента, когда при выстреле винтовка торкнется в плечо. В данном случае – резко и сильно ударит. До боли, едва ли не до вывиха плеча.

Снайпер проследил в оптику за черным «БМВ», сбросившим скорость на извилистом участке дороги. «БМВ» ехал не быстрее чем двадцать—двадцать пять километров в час. Близнец знал время подлета пули к цели и то, что упреждение на такой дистанции составляет четыре метра по фронту или десять полных делений на боковом барабанчике оптического прицела. Иномарка ехала на прежней скорости, за ней неотрывно следовал ствол снайперской винтовки. В критической точке палец снайпера потянул спусковой крючок. Раздался сухой щелчок – патронов в магазине не было.

Но стрелок не похолодел, как это часто бывает при пустом выстреле, просто не наступило время для решающего действия. Это пока что тренировка. Последняя. Близнец еще раз отметил, что не переключил все внимание на спуск и не ослабил контроль за полем прицеливания. Ведь достаточно небольшого смещения оптической оси, и пуля уходит в сторону.

А пока есть время покурить, оставить тяжелое оружие, упирающееся сошками в опрокинутый раскладной стол, пройти по комнате. Задняя стена была искусственно затемнена: снайпер повесил на нее старое темное покрывало, которое не демаскировало его с улицы.

Эта комната была не единственной, где бывший боец спецназа ГРУ подготовил огневую позицию. Всего по городу подобных «гнезд» было четыре. Но эта была базовой; как и остальные, он подготовил ее по всем основным факторам: защищенность, прикрытие, удобство наблюдения, обеспечение скрытности, близость к цели, возможность отхода.

Правда, возможность отхода – это не главный фактор. Ключевым был предпоследний пункт: близость к цели. Близнец скупой улыбнулся: он рассчитал эту *близость*, опираясь на тактико-технические возможности своего оружия. Он находился от цели на таком расстоянии, что обеспечивал ее поражение одним выстрелом. В голове всплыло окончание подпункта из инструктажа: если снайпер не использует специальное крупнокалиберное оружие, то обычно находится не далее 300—400 метров от цели. Очень часто еще ближе.

Очень часто – с этим Близнец спорить не смел.

Он был одет в черное: обтягивающую майку с длинными рукавами, штаны и кроссовки. Майка была забрызгана кровью.

«Тебе знакомо имя генерала Дронова?»

«Кто же его не знает...»

Близнец прошел на кухню, где на полу лежал труп, накрытый простыней, вернулся с термосом, налил в крышку горячего чая и прикурил сигарету.

Решение на выстрел Близнец принял давно. Он был убежден в необходимости произвести его. Как и научился правильно оценивать свое мастерство и возможности своего оружия.

Теперь это была его личная винтовка. Он сам пристрелял это оружие, и никто, кроме него, им не пользовался. Не так, как в подразделении, где Близнец проходил службу. Там на одну винтовку приходилось два снайпера, у которых разное телосложение, зрение, дыхание...

Виктор пил чай, затягивался горьким дымом, смотрел через балконный проем на улицу, на самозарядную винтовку, созданную под советский патрон образца 1938 года, с длинным откатом ствола.

38-й год... С ума сойти.

Магазин с пятью патронами лежал на столе. Вскоре он станет на место, и тогда справа не будет видно ни рукоятки, ни скобы со спусковым крючком. Широкий, тяжелый магазин...

Рядом пристроился японский бинокль «Zoom» в камуфлированном корпусе, с регулируемой кратностью от десяти до шестидесяти, с линзами, имеющими рубиновое напыление для устранения бликов. Такие же линзы были и на оптическом прицеле: очень четкая картинка даже в сумерках.

Близнец не ждал телефонного звонка, тем не менее тот не стал для него неожиданностью. Он снял трубку и поднес ее к уху. Тут же услышал хриплый голос, который вскоре оборвали короткие гудки:

– У тебя двадцать минут.

Целых двадцать!

Всего двадцать...

А в ушах в сотый, наверное, раз прозвучал голос:

– Ты не должен проиграть. Ты нормальный пацан, Витька.

Глава 2

Инструктор

Москва, 7—15 июня 2004 года, за два месяца до этих событий

Громко хлопнула дверь, заглушив начало брошенной в тишину подъезда фразы:

– Да пошли бы вы!..

Анатолий Колесников успел сделать всего несколько шагов к двери...

В шутку этот дом называли недостроенным. Кто-то в свое время сказал удивительную фразу: «Строители растащили кирпичи, и поэтому их не хватило на полноценный первый этаж». Словно строили эту коробку с одним подъездом с крыши, а не с фундамента.

По сути, первый этаж был полуподвальным – линия середины его окон приходилась на раздолбанную узкую дорожку тротуара. Снег, вода, грязь и мусор были постоянными гостями в пространстве между окнами и тротуаром. Вечно грязные стекла таращились на улицу. Сквозь них была видна скудная обстановка квартир; в этом доме влачили свое существование люди неустроенные, пьяницы и наркоманы. В равной степени это относилось и к близлежащим домам, целому району.

Дорогу Анатолию преградили две крепкие фигуры. Боевики стояли на стреме и были готовы пресечь любую его попытку к бегству. От сильного удара в солнечное сплетение перехватило дыхание, очередной выкрик застрял в горле. Безвольное тело Колесникова бросили в распахнутый люк темного подвала, туда же один за другим спрыгнули два человека.

Вход в подвал находился в метре от подъездной двери, в закутке под лестничным маршем, ведущим на второй этаж. Низкий подвал был забит мусором. Под ногами боевиков хлюпала зловонная жижа от прорыва канализации, когда они, пригибаясь, волокли за собой жертву. Они ругались приглушенным шепотом; работать в такой обстановке им приходилось впервые.

Чертova канализация! Чертовы жильцы, которые гадили как бегемоты. Отличные кроссовки «Рибок», стильные туфли и брюки моментально превратились в дерьмо.

Дотасив свою жертву до стены, где глубина достигала полуметра, они остановились. Отпустили руки парня, начавшего приходить в себя.

Один ударил его в голову. Но хорошего удара не получилось. Рифленая подошва спортивной обуви лишь скользнула по затылку жертвы. Второй встал на спину беглеца и давил на него, упираясь плечами в заплесневелый потолок. Все, теперь и рубашка превратилась в дерьмо. Второй, согнувшись, упирался в потолок руками и давил ногой в основание шеи.

Густая, как кипящий гудрон, черная вода пузырилась, словно действительно клокотала на огне. Она заполняла легкие, забивала горло, проникала под веки и наливалась в уши. Жертва буквально сварилась в этом котле, расположенном под жилым домом.

– Пусть лежит, пока вода не спадет. Ну что, пошли мыться?

– Ага, – незамедлительно последовал злобный ответ. – Заодно одежду закажем.

Чтобы не наследить в подъезде, боевики нашли среди мусора полиэтиленовые пакеты и надели их на ноги. В этих бахилах они и дошли до квартиры на втором этаже. Пятью минутами раньше из нее выскочил человек и бросился навстречу своей смерти. Организация, именуемая «Вторым кабинетом», не прощала никого, ибо ее принцип был предельно прост и жесток: *любой, кто представляет угрозу «кабинету», уничтожается.*

* * *

Клуб для миллионеров на Си-Айленде, где одно только членство стоит сто тысяч долларов в год, стал приютом для российской делегации. Собственно, ограниченный круг советников и помощников, остальные расположились в Саванне. Лидеры «большой восьмерки» слетались всю вторую половину вторника. Согласно строгой очередности подлета российский президент прибывал после Тони Блэра, но перед Жаком Шираком.

Личный телохранитель президента генерал-майор Свердлин отметил, что шеф на летном поле стоял унылый и будто рассматривал бетон под ногами. Оркестр исполнил российский гимн и поневоле добавил в него джазового американского ритма. Взгляд президента, обращенный внутрь себя, не изменился, когда главу российского государства подбежали поприветствовать школьники в красных майках с подарками в руках. Он перепоручил детей стоявшей рядом супруге¹.

Александр Свердлин сопровождал шефа до военного вертолета и шагнул в кабину последним. Два «сикорских» поднялись в воздух и взяли направление на Си-Айленд.

Настроение шефа стало исправляться в лучшую сторону, когда он сел за руль электромобиля – официального средства передвижения на саммите, предоставленного концерном DaimlerChrysler. Такие машинки, стоимостью семь тысяч долларов, можно увидеть на полях для гольфа, на горных курортах Швейцарии, в центрах городов, где проезд обычным автомобилям запрещен. На них же полицейские патрулируют национальные и частные парки.

Президент разогнался до сорока километров в час, притормозил напротив коттеджа и, глянув на телохранителя, сидевшего справа от него, кивнул: «Отдыхай, Саша».

Генерал-майор принял еще один кивок, на сей раз от своего помощника, расположившегося позади шефа. Едва не сделал привычное движение рукой, чтобы закрыть несуществующую дверцу на автокаре, разукрашенном в цвета российского флага. Иначе напоролся бы сразу на несколько смешков.

Коттедж, окруженный низкими пальмами и аккуратными газонами, занимали президент и его охрана. Свердлин несколько раз бывал в домике – иного определения подобрать не мог, – когда вместе с американскими коллегами из «Secret Service» занимался на острове оперативными мероприятиями по обеспечению безопасности президента и его окружения.

Генерал прошел в свой однокомнатный тесноватый номер и первым делом снял туфли и галстук. Лег на кровать и закрыл глаза. Тихо прошептал:

– Устал...

Он вымотался за последние дни. Все чаще стал повторять странноватую на первый взгляд фразу: «Я вижу дальше своего шефа». Но «странность» исчезала, когда он чуть перефразировал ее: «Охранник видит дальше своего босса». Замечает то, что ускользает от патрона, видит то, на что последний никогда бы не обратил внимания. А Свердлин за долгие годы работы в Службе научился еще и предвидеть. Точнее, предугадывать то или иное событие.

В штат Джорджия российская делегация прилетела из Нормандии, где все делегаты саммита участвовали в торжествах по случаю 60-летия открытия второго фронта. Свердлин знал, что сделает, оказавшись дома – точнее, в своем кабинете. Он швырнет со стола документы, и секретные бумаги разлетятся по полу. Много, много бумаг. Все они напрямую были увязаны с предстоящими визитами президента России. Все поездки запланированы. Одни в прессе назовут плановыми, другие – «внезапными и молниеносными». Причем запланированные стояли раньше «молниеносных». Но таков план. Экстремальные с точки зрения безопасности президента – и в Грозном, и в других районах Чечни, где по-прежнему было неспокойно, – никогда

¹ По материалам газеты «Известия».

не стояли в ряду неожиданных. Сценарные планы визитов главы государства расписываются задолго до «неожиданностей». Работа не прекращается ни на минуту, и этому не видно конца.

А с недавнего времени работы прибавилось.

Свердлин всерьез заинтересовался безопасностью еще одного человека – военного советника президента генерала Дронова, охрану которого осуществляла ФСО. А все началось восемь месяцев назад, с закрытого совещания, на которое президент пригласил в числе прочих генерала Свердлина и поставил перед собравшимися задачу: подумать, как будет выглядеть *преобразование функции* федеральных органов исполнительной власти в сфере безопасности объектов государственной охраны в единый орган. Свердлин видел, как загорелись глаза директора ФСО Леонида Чернякова. Поскольку витиеватое предложение шефа расшифровывалось легко: фактическое слияние двух силовых ведомств – ФСО и СБП. Ныне же оно является лишь *функцией* и обозначается двумя словами: Государственная охрана. Но шефа, как такового, у госохраны нет. Президент лишь создает, реорганизует и упраздняет органы госохраны.

На глазах рождалось новое силовое ведомство, и его могущество не вызывало споров. Во-первых, это контроль за остальными силовыми ведомствами. То, о чем так долго говорили, – создание некой могущественной силовой структуры, – похоже, начало сбываться. Ход президента, как всегда, оказался для всех полной неожиданностью. Многие ожидали «возвращения» Службы внешней разведки под крыло ФСБ, что привело бы к усилению силового аппарата и максимально приблизило бы его к КГБ, и прочих предложений. Президент же предложил создать по сути контрольный орган, функционирующий, однако, как мощная силовая структура: это выявление угрозы жизненно важным интересам объектов госохраны, участие в борьбе с терроризмом, выявление, предупреждение и пресечение преступлений. Плюс правовой статус: *никто*, кроме прямых и непосредственных начальников, не вправе вмешиваться в служебную деятельность сотрудников госохраны². Ни МВД, ни ФСБ, ни таможенники и прочая силовая братия.

Первым раскатал губы на этот пост Черняков. Его аппарат был шире. Он осуществлял охрану Председателя Правительства, руководителей Совета Федерации, Госдумы, Верховного, Конституционного, Арбитражного судов, генпрокурора, их семей, глав иностранных государств и правительств, членов их семей в период их пребывания на территории России, иностранных политических и общественных деятелей и так далее.

Это был хороший ход президента. Осуществляя охрану вышеназванной категории лиц, фактически контролируя их посредством офицеров охраны и будучи наделенной надзорными функциями, новая силовая структура позволяла более эффективно бороться с коррупцией, терроризмом, шпионажем, включая промышленный, и прочими тяжкими преступлениями. Но главное – это власть при надзоре и контроле *всего лишь одного человека* – президента. Хотя судебный и государственный контроль все же будет прописан в законе.

Грызня за новый пост будет не на жизнь, а на смерть. Выживет сильнейший. Возможно, это тоже входило в планы президента, обладающего военно-спортивной формой, – посмотреть, кто наиболее жизнеспособен. Не слышно было только призыва: «Проявите себя!»

Свердлин давно понял истину: задница вышестоящих устроена одинаково: через нее можно завистливо смотреть одним глазом, иметь ее и поскальзываться на дерьме, валящем из нее.

Генерал принадлежал к особой категории людей – он был наиболее близок к президенту и мог побороться за руководящий пост новой структуры. Зная расклад сил в госохране, он мог гарантировать себе успех. Для этого нужно расшатать кресло директора ФСО, проявить

² А.А. Чувилов, Ан. А. Чувилов, «Правоохранительные органы».

себя, откликнувшись на призыв, и возглавить силовое ведомство, на голову возвышающееся над остальными.

Этот пост Свердлин представлял оригинально, но по сути – верно: верховный пристав, вооруженный расстрельным пистолетом. Энцефалитный клещ на темени силовых структур: «Щас укушу!»

Александра Семеновича в этой ситуации смутил лишь один странноватый факт. Всего «пострадавших» было двое: он – глава СБП и директор ФСО, чьи ведомства получали конкретного руководителя, а значит, эти двое были главными претендентами на место. Генерал недоумевал по поводу еще одного приглашенного на это закрытое совещание: только что назначенного на пост военного советника президента генерал-полковника Дронова. Игорь Васильевич был самым старшим по званию (директор ФСО Черняков был в звании генерал-лейтенанта). Но звание тут ни при чем. Ползущему по мокрой крыше кирпичу до фонаря, кто внизу.

Претендент? – размышлял Свердлин и косил глазом то на Дронова, то на директора ФСО. Взгляд у Чернякова был также настороженный. Глава государства может и огорошить. Его голова кишит оригинальными решениями. После отставки Михаила Касьянова политики и бизнесмены остервенело подкупали реальных претендентов на пост премьер-министра, а последний оказался неподкупен. Потому что его вообще никто не знал и в расчет не брали. Не получится ли то же самое и с Дроновым?

Взгляд на шефа. Но его костистое лицо непроницаемо.

Как-то раз Свердлин сравнил его с зимним рыбаком. Порой для успеха на зимней рыбалке нужен лишь острый глаз. Завидел рыболова, активно выбирающего леску, – и к нему. Минута, и вокруг уже десятки пробуравленных лунок. А шеф на своем рыбном месте делает лишь одно резкое и незаметное движение – когда подсекает. А как тащит и куда складывает пойманную рыбу – увидеть невозможно. Профи.

Вопрос был поставлен серьезный, и все процедуры по его реализации, включая оформление как закона, плюс прохождение в обоих законодательных палатах и окончательная подпись президента, займут около года, прикинул Свердлин. Достойный срок для достойной битвы за новый пост. Главное, не ошибиться.

Некоторые секретные сведения, касающиеся генерала Дронова и представляющие закрытую информацию, Свердлин месяц назад передал человеку в инвалидном кресле... А восемь месяцев назад он сказал ему: *«Это серьезное дело, нельзя, чтобы оно держалось на одном человеке, нужно создавать какую-то структуру... Они меня в конце концов вычислят».*

У генерала был небольшой кабинет, на двери которого отсутствовала какая-либо надпись. Но он смело мог обозначить его хотя бы цифрой «2». «Второй кабинет».

* * *

– Кто тут говорил, что хочет стать снайпером? Ты? Шаг вперед! Что ты сказал? Мне не нужна твоя фамилия! Смотреть в глаза! Учти – во время выполнения задания ты можешь рассчитывать только на себя. Мочиться и срать ты будешь в собственные штаны. Заранее познаться со своими постоянными спутниками – голод и жажда. Заруби себе на носу: попадание будет засчитано только при том условии, что так решит твое начальство. Тебе придется смотреть, как разлетается в прицеле голова, и понимать, что человека, который еще секунду назад был жив, больше нет. И все это будет повторяться раз за разом. И еще три главные вещи: *насекомые, насекомые и насекомые*. Их нельзя отогнать и убить – иначе ты обнаружишь себя. Ты будешь жрать их и запивать собственным потом. Если тебя поймают, тебя не просто убьют, тебя казнят... Кто тут говорил, что хочет стать снайпером? Ты? Шаг вперед! Смотреть в глаза! Запомни – как только твой первый выстрел лишит жизни человека, ты потеряешь невинность,

и свернуть с этого пути уже нельзя... Отныне вашим девизом будут слова: «Мы стреляем редко, но так, чтобы каждый раз попасть в цель».

Это вступление, горячка, давление, набор цитат и импровизаций. Это правда, брошенная в глаза будущим снайперам, воспоминания о самом себе. А дальше усталость, почти равнодушные. Плац сменяется аудиторией, классом, как говорят здесь, в спеццентре снайпинга. Нудная, но необходимая теория.

– ...Снайпер уделяет большую часть времени наблюдению и тратит на это много сил. В большинстве ситуаций достаточно обездвигить цель. Но в любом случае от него ожидают точного попадания. Смертельное попадание необходимо в тех случаях, когда возникает прямая угроза жизни заложников. Снайпер должен не просто убить противника, но и не позволить ему совершить какое-либо подсознательное действие, результат которого предсказуем: ранение или смерть заложника. Для этого надо повредить неврологическое соединение между мозгом и мышцами. Класс, внимание на плакат! Я показываю место, оно называется продолговатым мозгом, который соединяет кору больших полушарий со спинным мозгом. Всем видно? Его повреждение исключает как сознательную, так и бессознательную реакцию. Для этого нужно попасть в позвоночник выше лопаток или в нервные сплетения за ушами. Это тоже видно, да? Но эти цели малы. Если противник находится лицом к снайперу, пуля должна ударить в точку между носом и зубами. Так, убрали улыбки... – Инструктор, обучающий курсантов искусству убивать, поиграл желваками и закончил фразу: – Если цель видна со спины – в основание черепа. Однако есть и другой вариант. Пуля, проходящая через мозговую ткань, вызывает высокое давление, при этом разрушительный эффект увеличивается за счет того, что мозг находится в пространстве, ограниченном костями черепа. Осколки пули и костей черепа разрушают мозговую ткань, а мозговой ствол страдает от избыточного давления. Мышцы противника становятся дряблыми, резко уменьшается вероятность бессознательного нажатия на спусковой крючок. Поэтому достаточно точного попадания в нижнюю часть черепа; а цель получает площадь, которая в четыре раза превышает необходимую для идеального выстрела.

Инструктор нажал на кнопку, и луч инфракрасного указателя погас. Но еще долго казалось, что на плакатах с изображением срезов головы и нижней части груди человека горят красные пятна. Как следы от пуль.

– Класс, встать! Урок окончен. На следующем занятии мы поговорим о выстрелах сквозь оконные стекла.

Капитан Андрей Проскурин пододвинул стул и сел за рабочий стол. Справа на столе лежали методические пособия, слева – журнал с фамилиями курсантов. Их в этом классе было ровно тридцать человек. И лишь пять-шесть станут настоящими профессионалами – это не простая статистика, это – мог сказать инструктор – исторический факт. Остальные станут просто классными стрелками.

Впереди долгие пять месяцев учебы – теория, психология, практические стрельбы. Прошедший месяц не мог выявить даже одного лидера. Пока что группа курсантов была безликой.

Как всегда, в ней нашлись несколько человек, которые подходили к инструктору после занятий. Кто-то задавал вопросы по теме, кто-то залезал вперед программы: а когда мы будем то, а когда это... Как раз торопыги-то и не попадали в лучшую пятерку. Все были уравновешены и прошли психологические тесты, но подобная «мелочность» просилась называться «мелочностью психопата». Это уже отклонение от нормы. Снайпинг – это не география. Здесь учат убивать людей – просто людей. Здесь никто не настраивает «чисто» на противника, чтобы не появилась ожесточенность, злоба, ненависть. Что в конечном итоге разест любого профессионала изнутри. «Ненависть на поле боя уничтожает человека, а снайпера быстрее, чем остальных».

Таковым был сам инструктор. Он уже не мог работать в боевом подразделении – такой диагноз ему шесть лет назад поставили психоаналитики. Он иссякал даже как инструктор: то говорил спокойно, то вдруг взрывался.

Курсанту, который подошел с каким-то вопросом, капитан Проскурин ответил жестом: «Не сейчас». Когда он остался в классе один, вынул из нагрудного кармашка сложенный конверт. Это письмо он получил из Чечни, где в составе роты спецназа ГРУ проходил срочную его бывший ученик. В этом письме Виктор Крапивин сообщал, что через неделю возвращается домой. Текст шел поверх карандашного рисунка с символическими буквами «ДМБ», его крест-накрест пересекали красный тюльпан и снайперская винтовка Драгунова. Чуть ниже, как на памятнике, стояли цифры: 2002—2004. В довершение всего – контур трехглавой горы, на взгляд инструктора, походившей на Шипку.

Его не интересовало содержание письма. Главный момент в нем – возвращение ученика.

Инструктор глянул на дверь и вытянул руки. Пальцы заметно дрожали. Напряг мышцы – дрожь прошла. Но осталась где-то внутри мышц, как напряжение во взведенной пружине.

Проскурин потрянул руками и невольно столкнул на пол методическое пособие. Порядком потрепанная книжица раскрылась на странице, где был выделен курсивом следующий текст, относящийся к теме «необходимости отстрела маньяков»:

«Обычно снайперы-преступники кончают жизнь самоубийством. Поэтому очень важно убивать их в самом начале стрельбы».

Вообще эта фраза, с одной стороны, была бестолковой. Зачем убивать преступника, если тот сам готов застрелиться? С другой стороны, его необходимо убить именно потому, чтобы он сам не застрелился. Для снайпера очень важно не допустить самоликвидации противника. Он – как выстрел из РПГ-17, который самоликвидируется после 800 метров полета.

Точно такой же механизм был заложен и в инструктора.

Он подошел к окну с видом на необъятный полигон для практических стрельб, распахнул высокие створки и прикурил. *«Это серьезное дело, поэтому мы создали структуру...»* Так или почти так к нему обратился один человек... И ничего странного в том, что их мысли совпали, не было.

Проскурин выбросил окурок через окно в тот момент, когда в коридоре прозвучал короткий звонок. Андрей загадал: если совпадет, то мероприятие выгорит. Загадал, давая себе фору – пока летит дымящийся, как отработанная гильза, окурок. И – услышал звонок.

– ...Снайперу иногда приходится стрелять сквозь оконные стекла. Порой стекло выдерживает давление пули, и на нем остается ровный след. Но чаще всего крошится и ломается – на осколки в форме конуса. Самые маленькие из них находятся ближе всего к точке контакта, самые крупные – дальше. Что интересно: осколки располагаются под прямым углом, независимо от того, под каким углом попала пуля. К тому же стекло может менять траекторию полета пули и она теряет часть своей энергии даже в том случае, если попадет в стекло под прямым углом.

Он еще ученик. Все еще ученик. С ним придется много работать. Не как со стрелком, но как с человеком. Мы должны стать единомышленниками. Стать одной парой, одним неделимым. Должны пройти до конца....

– Поговорим о калибре и возьмем для примера нашу мелкокалиберную снайперскую винтовку «СВ-99» калибра 5,6 миллиметра под патрон кольцевого воспламенения. Она создана для выполнения специальных заданий по уничтожению живой силы противника на коротких дистанциях. Пуля такого калибра после попадания в стекло распадается на несколько частей. Курсант Новиков! Что я только что сказал?

С места вскочил долговязый парень и захлопал глазами:

– Пуля распадается на несколько частей.

– Какая пуля?

– Я...

– Садись, Новиков, и слушай внимательно. Пуля калибра 7,62 хоть и обладает меньшей начальной скоростью, но сохраняет большую скорость во время полета. А на расстоянии пяти-сот метров от дульного среза она летит уже быстрее, чем мелкокалиберная пуля, и полностью сохраняет свое убойное действие на расстоянии до километра. Армейские патроны, снаряженные пулями с цельнометаллической оболочкой, являются оптимальным вариантом для стрельбы через стекло: медная оболочка срывается во время удара, но свинцовый стержень сохраняет свою форму и траекторию полета.

Сам он, с дрожащими руками и ненавистным трепетом в груди, мог действовать только как наблюдатель. В крайнем случае – мог подстраховать первого номера. Хотя бы следующим образом:

– Обычно при необходимости выстрелить сквозь стекло привлекают двух снайперов. Оба целятся в один и тот же объект одновременно.

Инструктор бегло оглядел курсантов: не проник ли кто в его мысли?

Бред. Однако взял со стола пособие и зачитал отрывок, который знал наизусть:

– Микроскопическая разница в траектории полета обеих пуль приводит к тому, что одна пуля ударяет в стекло первой...

Это моя работа. Я... справлюсь с ней?

– ...и открывает путь для другой...

Это работа ученика. Пока еще ученика. Он справится с ней. Но с ним придется много работать.

– ...которая попадает в цель спустя доли секунды. Одновременный выстрел двух снайперов не позволяет объекту среагировать на звук разбитого стекла, поскольку практически одновременно в него попадает вторая пуля.

Он словно давал присягу своему ученику, на которого сделал ставку:

Я обязуюсь переносить и готовить к работе специальное оборудование; определять маршрут и темп движения, передвигаться по ТВОИМ следам, маскировать и ликвидировать их; помогать в подготовке укрытия и огневой позиции; оценивать скорость и направление ветра; выявлять и указывать цели; оценивать точность ТВОЕГО выстрела...

Четырехчасовое занятие с одним пятнадцатиминутным перерывом закончено. Инструктор отпустил курсантов, собрал со стола пособия, журнал, указку и вышел из класса в середине толпы будущих снайперов.

Они были одеты в черные робы с наглухо застегнутыми отворотами, армейские ботинки. Самому младшему из них – девятнадцать, самому старшему – двадцать четыре. Как и его бывшему ученику. Ровно через неделю у него день рождения.

Андрей Проскурин спустился в тир. Взял в руки снайперскую винтовку, подошел к огневому рубежу и прицелился в мишень. Глубокий вдох, выдох, задержка дыхания – чтобы оружие осталось неподвижным... Но руки тут же начали подрагивать, словно из крови выкачали кислород, дуло начало выписывать спирали... Выстрел сорван.

Все. Это уже на глубинном уровне, на нервах. Он ничего не мог поделать с собой.

«Там, на месте, на огневой позиции будет еще хуже. Но там не скажешь: „Выстрел сорван“.

Следующее занятие.

– Город для снайпера – особая местность. Снайпер должен помнить о непредсказуемом поведении ветра на городских улицах. Не будет только проблем с определением расстояния...

Глава 3

За личное мужество

20 июня, воскресенье

В это утро Олег Лосев проснулся с жуткого похмелья. Вчера он так надрался в казино, что не мог отличить фишки... от монет. Странно, подумал Олег. Последний раз он держал мелочь года три или четыре назад, когда его сверстники редкой толпой уходили в армию, более плотной – косили от службы. Лосев закосил оригинально – сначала позвонил, а потом наведлся в контору под названием «Sex-Визит» и с «подзаголовком»: «Быстро, недорого, 24 часа». Потом были усиленные занятия в фитнес-клубе, работа в престижной «Красной Шапочке»; дамы меняли мужчин, мужчины – дам. Когда он выходил на подиум, многие клиенты уже узнавали его; вряд ли они аплодировали псевдотарзану, просто хлопали в ладоши. Ровно через год он перешел в «частную» категорию и порвал с двуликой бисексуальной ориентацией. Пару месяцев прожил с одной известной телеведущей, потом переехал ненадолго к пятидесятилетней бизнес-вумен. Когда намекнул ей, что страстно, как в постели, желает стать ее компаньоном в бизнесе, она вышвырнула мускулистого альфонса из своей жизни.

В основном Олег расплачивался по кредитным карточкам. Отоваривался в престижных магазинах и бутиках. Где, по его мнению, тоже не знали, что такое мелочь.

К такому выводу он пришел только сегодня утром, сравнив разноцветные фишки с монетами. И сейчас они, слившись в воображении, еще больше закружили голову. Он тут же решил поделиться оригинальным впечатлением со своей новой подругой Машей.

– Мари, – прокартавил-прокаркал он на французский манер, – представляешь, мелочь вскружила мне голову!

Мария, в отличие от Олега, никогда не напивалась. В основном она пила шампанское, которое, как известно, быстро накрывает и отпускает. Музыцирует, словом, как воздушные пузырьки в игристом хмельном напитке.

Марии Дьячковой было двадцать девять лет. В ее салоне M&D одевались звезды от искусства и политики.

У нее не было учителей. Как Рэй Кавабуко, она отвечала: «Я сама по себе». Как и основательница марки Comme des Garçons («Как у мальчиков»), она всегда начинала с того, что забывала все, что делала раньше, игнорировала все, что уже существует.

В это утро Мария была одета в атласный халат со стильным двойным воротником. Она сидела в широком кресле, пила кофе, курила мексиканскую сигарку и листала парижский журнал Journal de Textile. На замечание своего бойфренда, который был младше ее на шесть лет, Мария отреагировала моментально. Отложив журнал, она переключилась на конкретный объект – в ее представлении такой же иллюстрированный, как мальчики-модели в престижном парижском издании.

– Сейчас ты скажешь, что не помнишь, как облевал все казино. Мой приятель облевал – если точнее. Давай, Казанова, собирай свои трусы и дуй отсюда. И вообще смени дом моделей – на твоих трусах такая здоровенная мотня, что туда двадцать членов уместятся. Твой там – как карандаш в карандашнице болтается. В баскетбольном магазине отоварился, что ли? Тебя обманули: это не трусы, а сетка для кольца.

– Что?

– Что слышал. Хватит с меня. Я натерпелась от тебя всяких гадостей, урод.

– Урод?

– А ты думал, что ты Курт Рассел, что ли? Боже мой...

Олег шизел от ее нескончаемой болтовни. Казалось, он слушал не свою подругу, а натурального переводчика американских мелодрам.

Лосев махнул рукой и поплелся в ванную с роскошной душевой кабинкой. Он проигнорировал трель своего сотового. Но на него отреагировала вставшая с кресла Мария; ее походка и жесты сочетались с доходами и уровнем жизни. Олег слышал, как она с кем-то разговаривает по его «трубе». Кому-то жутко доставалось.

– Алло, кто это? Какой Виктор?.. Близнец? Близнец Олега? А, просто друг. Слава тебе... а то меня чуть инфаркт не хватил. Ты баскетболист, что ли, или случайный покупатель? Куда позвонил, туда и попал.

В данный момент Мария нашла способ немного остыть, точнее, выплеснуть накопившуюся злобу на (как оказалось) друга своего бойфренда. Наверное, не друга, а приятеля, дружка, тоже только что проснувшегося на пропотевшей атласной простыне, забрызганной «слониками». «Мрази! – выругалась девушка. – Делятся впечатлениями, суки!»

Однако голос незнакомца не был вальяжным, томно-ленивым, не проскальзывали в нем и слащаво-победные ноты. В нем не было уверенности – пусть даже напускной, той, что всегда отчетливо прослушивалась в голосе Олега Лосева. Мария различила в нем растерянность – наверняка оттого, что незнакомый парень попал в непонятную ситуацию: надеялся услышать друга – и вот напоролся на его подругу.

– Какой у меня номер телефона? Боже мой... Что у меня, магазин на диване, что ли, чтобы каждому давать номер? Хочу дать тебе совет: бросай принимать наркотики.

Продолжая разговор, девушка открыла холодильник, едва ли не доходивший до потолка, достала початую бутылку шампанского, толкнула дверцу коленом, налила вина в высокий бокал. Сделала приличный глоток. Чуть не поперхнулась, услышав ответ.

– Откуда ты вернулся? Из армии?! А, поняла – ты только что дембельнулся. Это модно. Твой друг-близнец тоже вчера дембельнулся. Шесть уборщиц за ним убрали.

Теперь ей показалось, что это ее разыгрывают. Покачала головой: «Зачем? Что это, новый способ приколоться?» Буквально вчера на Новом Арбате, когда она выходила из своего роскошного двухместного серо-голубого «Субару», над фирменным стилем которого поработал дизайнер концерна Fuji Heavy Industries грек Андреас Запатаинас, к ней подошли двое служивых лет девятнадцати. «Рублей десять не найдется? На перловке сидим...» В общем-то, привычная картина едва ли не в «рамках» Генштаба, расположенного неподалеку. Бегло глянув на солдат, Мария кивнула своему водителю, исполнявшему при ней роль телохранителя: «Дай». Или – скорее всего – «подай». Что там «подал» охранник, ее уже не интересовало.

– Ты вообще зачем позвонил-то? В гости зовешь? Боже...

«В гости» – она едва ли не просмаковала это полузабытое выражение. Она уже забыла, когда в последний раз была в гостях. Провинциальность незнакомца просто умиляла. И сама Маша набросила на себя такое же выражение – на лицо, на жесты, ставшие как бы замедленными, как спросонья. Но это не отразилось на ее манере вести разговор. Девушка поняла, что он начинает ее забавлять.

– Когда? – решительно произнесла она. – А где? Что, действительно дома? Не в ресторане, а прямо дома, ага, понятно... А может, в леске где-нибудь, за городом лучше? Замариновать свиной задок, шашлычки пожарить? Нет? Ну с кем не бывает. Что, и меня приглашаешь? Ну не знаю, стоит ли... А сколько народу будет? Вместе с родителями пятнадцать? Честное слово?!

«С родителями, господи ты боже мой!» – Маша сжала трубку в ладонях и громко рассмеялась. Потом промочила горло очередным глотком шампанского. Игристый напиток уже добрался до самых чувственных извилин, хмельно и одиноко плутал там – как такая же брошенная кем-то гармонь из старой песни. Настроение ее не поменялось, когда она наконец-то осознала, что это никакой не розыгрыш, что ее действительно приглашают в гости, что она издевается над парнем, который вчера, может быть, вернулся из армии.

– Во сколько? В пять?! В смысле в семнадцать? Да я встаю в шестнадцать! Ладно, какой у тебя адрес? – Она открыла губную помаду и записала адрес на зеркале. – Это точно в Москве?

Ладно, жди. Конечно, приеду, о чем разговор! Если Олег не сумеет, то я-то точно буду. Меня? Машей зовут. Все, Витя, целую. Погоди – поздравляю тебя с дембелем, да? До встречи, пока.

Олег вышел из ванной в махровом халате. Длинные волнистые волосы, закрывающие уши, были мокрыми и блестели, как набриолиненные. Как у негра из «Поездки в Америку» с Эдди Мерфи в главной роли. Распахнутые полы открывали сильные мускулистые и загорелые бедра.

– Кто звонил? – спросил Лосев.

Мария пожала плечами и выпятила губу: «Не знаю». Потом пояснила:

– Витька-дембель. Зовет нас в гости. – Она кивнула на зеркало. – Улица Подольских Курсантов. Рядом с бензоколонкой. Сказал, как выйдете из метро «Пражская» – и налево. Минут десять идти. Кто этот Виктор, действительно твой друг? Ты тоже из «Подольских»?

Лосев пренебрежительно махнул рукой и скривился:

– Одноклассник.

В это слово он вложил все. Как губка, оно впитало в себя навсегда ушедшие скучные годы, противные хари учителей, по-бараньи глупые – одноклассников. Учебники, тетради, ДНЕВНИК – все это сейчас казалось беспросветной глупостью и тупостью. Формулы, правила, таблица умножения, теоремы и их доказательства. Кому все это нужно? Витьке Крапивину? Судя по всему, он и позвонил, больше некому. Он единственный в классе Виктор, единственный, кто позволил натянуть на себя военную форму, повесить автомат через плечо, позволил бросить себя в окоп и вдохнуть вонь пороховых газов, мочи и портянок. Единственный человек, от которого Олег Лосев получал письма. Вот уже где глупость натуральная, так это в солдатских письмах. Сегодня наш взвод... Вчера наша рота... А завтра НАШ ПОЛК!.. Что там еще, бригада, дивизия, армия?

Наш, наша, наши... Даже гордостью это не пахнет. Но чем-то воняет – это точно. Брезгливо вскрывая очередное послание, Олег втайне надеялся прочесть нечто иное: «Вчера я рванул из части, прихватив автомат Калашникова и шестьдесят патронов к нему. Застрелил начальника караула и дневального...» Так было бы честнее. По нормальным волчьим законам, ибо других в этом мире не существует.

К реальности Олега вернул голос подруги:

– А что, это даже интересно.

– Давно в зверинце не была? Иди, если интересно.

– Ладно, закрой варешку. – И Мария продолжила в этом же «гардеробном» ключе: – Труссы собрал? Собирай и вали отсюда.

– Ты это серьезно?

– Я сейчас в шутку позвоню своему вышибале, и ты увидишь, серьезно это или не очень. Давно траходром на своей заднице не устраивал? – Мария затянулась и выпустила тонкую струйку дыма. – Не вздумай хамить, иначе точно найдешь приключений на свою красивую попу. Если мы где-нибудь встретимся, сделай вид, что мы не знакомы. Гуд бай, Олег.

Мода – заметила Мария, кивая в такт своим мыслям и глядя на Олега словно впервые. Стиль жизни, правила. Если ты вхожа в престижные ночные клубы и у тебя нет мальчика-скакуна, выдерживающего не только фейс-, но и лимб-контроль, если о тебе перестают говорить, то это означает если не карьерную или светскую смерть, то уж точно упадок. А уж если тебе за пятьдесят и у тебя нет молодого любовника – это верх неприличия. Одиноким львиц не должно быть, это противоречит законам природы.

Мария точно знала, что случится уже сегодня. Олег Лосев появится в «Сугробе» или в другой «точке» с новой дурой, возможно, преклонного возраста, а завтра они оба предстанут на страницах желтой прессы. Фотография будет маленькой и нечеткой, но заголовок, как всегда, огромным и вопрошающим: «Почему Древняя Старуха залезла в штаны молодому

Лосю? Дуся-агрегат объясняет, почему ей нравятся гомосексуалисты». И Марию это нисколько не тронет. Ничуть. Просто кто-то сменил перчатки, что из того?

Сейчас было с кем сравнить, и Маша подумала: если бы не мода на таких ходячих членов, как Олег Лосев, звонил бы он сейчас своему другу. Вернувшись из армии.

* * *

Что может быть лучше двойного праздника, когда за столом поднимают бокалы за твой дембель и день рождения?.. Дембель не простой, из горячей точки, где Виктор Крапивин торчал неполных полтора года. У каждого человека есть, наверное, второй день рождения, но вряд ли он совпадает, как у Виктора: он просился называться Днем ангела. Тройной праздник.

Близнец как в воду глядел, когда по-взрослому решил: «Напиваться не будем». На столе, за которым собралось пятнадцать человек близких родственников и друзей, ничего крепче сухого красного вина. В холодильнике ждала своей очереди целая батарея охлажденного пива.

– Витек, а ты чего не в форме? – вдруг встрепенулся бывший одноклассник Сергей Войков.

– Я меру знаю, – ответил Крапивин. Он в был старых потертых джинсах, майке с короткими рукавами, на шее золотая цепочка, которую таскал еще до армии. На плече появилась татуировка: контур трехглавой горы и словно брошенный к ее подножию тюльпан.

Рядом с Виктором сидела незнакомая девушка по имени Света – друзья «притащили». «Ничего так девушка, – оценил дембель. – Уши, правда, большеваты, для дискотечных басов подходят».

– Покурим?

Парни и девчата, прихватив по бутылке пива, вышли на площадку.

– Витек, дай Светке прикурить! – предложил Сергей.

– Что, прямо сейчас?

– А чего стесняться-то?

Светка хихикнула и покрутила у виска пальцем: «Дураки!»

Внизу хлопнула подъездная дверь, раздалась чьи-то быстрые шаги. Витька подался вперед. Оказалось, соседка с пятого этажа. Она на ходу поздоровалась и поздравила парня с возвращением.

– Кого-то еще ждешь? – спросил рыжеватый приятель, чем-то смахивающий на Аполлонова из «Иванушек».

– Лосев обещал прийти с подругой.

Пацаны заржали. Рыжий классически пояснил:

– Он с кузнецом придет.

* * *

– Обычная молодежь одета в то, что их родители называют «фирмой». Это поколение реагирует на «бренд», который давно определен на страницах Cool, Mens Health и на MTV. Для детей нет никаких «практичных и недорогих», а есть торговая марка в качестве материализации стиля. Мне нравится выражение Дмитрия Губина: «Теперь Россия моду не догоняет, а усваивает так, как будто сама изобрела». Мой коллега модельер Денис Симачев сажает на майку цвета хаки портрет президента, обрамляет божественный лик розами, чем обеспечивает «крутую» продажу... Так, это я ни к селу ни городку воткнула.

Мария нажала на кнопку «стоп» и швырнула диктофон на противоположное кресло.

Жутко хотелось поленился, забыть, к чертовой матери, про работу, про книгу, которую начала писать-наговаривать – потому что писать модно, а читать – прикольно. Просто лежать с

открытыми глазами и ничего не делать. Не исполнять никаких обязательств даже перед собой. Взять короткий отпуск, чтобы не играть никакой роли: ни строгой начальницы, ни талантливого дизайнера (это тоже роль, причем ответственная), ни страстной суки в постели. Просто остаться женщиной, человеком. Свободной от макияжа, слегка отягощенной жирком, вольной от стервозности.

Нет, ничего не получится. На семь тридцать вечера назначена встреча с администратором ГУМа.

Мария вставила в деку видеомagneтофона диск с записью последнего показа коллекции одежды своей марки. Инсталляция проходила в галерее «Ковчег» – деловой центр на Усачева. Сейчас прозвучит громкая музыка, раздастся исключительно поставленный голос «выписанного» диктора, промелькнут лица «випов» и «супервилов»; в перерыве они станут главными действующими лицами, что являлось сущей правдой; прославленный режиссер пошлет в жопу известного телеведущего, увлечет под руку другую знаменитость... Домашний кинотеатр перенесет ее далеко-далеко от дома.

Она сдернула с кровати широченную простыню, скомкала и забросила в угол. Легла прямо на матрас и уставилась в потолок. Потом ее взгляд скользнул по слегка тонированным окнам, потревожил своим вниманием невесомый тюль, задел краем зеркало и гордую пузатую тумбочку с множеством ящичков, ненадолго уперся в плиту, взобрался по холодильнику до самого потолка ее студии. В этой громадной комнате, как при переезде, было собрано все, что должно находиться на кухне, в прихожей, в спальне. Даже ванная комната, которую она называла умывальником, была отделена всего лишь матовым дверным стеклопакетом.

Собравшись, что голова покоится на подушке, на которой спал Лосев, девушка отшвырнула ее от себя. Чуть не попала в зеркало. Долго и с недоумением смотрела на странную запись на зеркале. Улыбнулась: «Витка-демпель».

Мария взяла с тумбочки трубку и позвонила своему водителю Юрию Цыганку, спросила, знает ли он, где находится улица Подольских Курсантов. И фыркнула в трубку:

– Ну надо же! Как я сама не догадалась. Не в Подольске, а в Москве! Купи карту. И подъезжай к пяти. Уже пять? Значит, подъезжай прямо сейчас.

Двадцатипятилетнего охранника ей посоветовал знакомый из Федеральной службы охраны полковник Корсаков. Скорее всего Цыганка выгнали из Кремлевского полка. Сам же он невнятно пояснил, что «накуролесил в завидовской резиденции шефа». Но надо отдать ему должное, с машиной он управлялся лихо, мог, наверное, за час покрыть стодвадцатикилометровое расстояние от центра до Завидово, одним движением, взглядом мог остановить любого.

Мария снова переключилась на Виктора. Она не нашла причины, вылившейся в порыв. Подумала, что пожалела парня, с которым в общем-то неплохо поговорила. По-простому. Так, как не говорила давно. А может, вообще никогда. Точнее, он с ней говорил по-простому, а она то забавлялась над ним, то откровенно издевалась. А он, что удивительно, проглотил злую иронию. Или не заметил? Она получит ответ, когда посмотрит в его глаза. И не дай бог, если она увидит в них насмешку. Даже намек на нее.

«Андеграунд», – пришло определение. Зверинец – вспомнилось лосевское выражение.

Мария исполняла роль штурмана. Она бросала взгляд то на карту, то на дорогу. Машина мчалась по Варшавке и уже миновала Днепропетровский и Первый Дорожный проезды. Некоторые прохожие оборачивались на роскошную серо-голубую иномарку с открытым верхом, как на конную повозку.

– Следующая улица Подольских Курсантов, – «штурмовала» Мария. – Сворачивай налево.

– Не направо?

– Направо улица Красного Маяка, – длинным ухоженным ногтем девушка оставила след на карте. – А прямо – улица Газопровод и Кирпичные Выемки. Страна Засрания какая-то. Вон

– точно бензоколонка, сворачивай в проулок. Стоп! Вот эта улица, вот этот дом. Вот первый подъезд. Тормози, приехали. Пошла знакомиться с Витькой. А ты отгони машину – вдруг тут мусор из окон выбрасывают? И жди моего звонка.

– Я провожу тебя до квартиры, – уперся Цыганок.

– Да ладно тебе, кому я тут нужна? Лучше машину сторожи. Хотя проводи – вдруг какой-нибудь маньяк спрятался в подъезде? Потом начнутся протоколы: «Насильник согласился признаться после седьмого следственного эксперимента». Айда, – прорепетировала девушка, прежде чем сделать первый шаг к «подворотне».

Мария остановилась напротив двери под номером 8, по привычке коснулась рукой прически: волосы были туго зачесаны назад, «конский хвост» уложен в толстый пучок и обернут искусственными косами разного цвета. Согнула палец и костяшкой нажала на кнопку звонка. Звонок заглушил на секунду оживленный фон за дверью и обозначил отдельные голоса: «О, кузнец пришел»... «Открой, Витек»...

Зверинец...

Шаги. Торопливые. Щелчок замка, скрип двери. Маша увидела невысокого плечистого парня лет двадцати пяти с пронзительными голубыми глазами. На миг ей показалось, что его зрачки искусственно фокусируются на ее лице, словно настраиваются на близкое расстояние. Только что они были маленькими, и вот выросли в размерах, прогоняя из глаз синь.

На нем была свободная спортивная майка, старые джинсы с широким ремнем, на ногах тапочки. Вот его губы разошлись в приветливой улыбке:

– Маша? Я вас сразу узнал. По звонку.

– По звонку?

– Ага. Он прозвенел так: «Ма-ша».

В это время к дому Виктора Крапивина ехал еще один человек. Инструктор сидел за рулем своей «семерки» и гонял в голове краткую характеристику на своего бывшего ученика.

Виктор Крапивин – человек по характеру противоречивый. Доверчив, уступчив, однако самостоятелен. В новой компании поначалу чувствует себя стесненным. Но в компании с одним человеком быстро находит с ним общий язык...

Девушка рассмеялась.

– Я не заметила. А если бы позвонил Олег?

– Ну... Не знаю. Звонок бы не сработал, наверное.

Маша постучала в косяк двери:

– Тук-тук. Можно войти?

– Да, заходи, – «среагировав на импульс», Виктор перешел на «ты». – Извини.

– Вас ровно пятнадцать человек? – Мария шагнула в узкую, как вольера, прихожую. – Вместе с родителями?

– Да, точно. Ты – шестнадцатая. Дом сразу нашла, не плутала?

– Да нет. Как вышла из метро, так и поперла прямо.

– Пыль с босоножек смахнула в подъезде?

– О, какие у нас острые глаза... И к тому же красивые.

...Способен долго и непринужденно поддерживать разговор общими фразами, порой обнаруживает свои речевые находки и тем самым располагает к себе собеседника. Умеет слушать, но никогда не вступает в спор, даже если знает тему лучше, чем его собеседник. Смел, решителен. Идеально подходит для работы в паре. Благодаря чему получил в середине курса кличку Близице.

Пока Маша ступала по линолеуму в прихожей, успела услышать чей-то хмельной голос: «Штрафную!» И представила себе огромный граненый стакан с водкой. Пусть не стакан водки, но приличный фужер красного вина ей поднесли сразу. Кто-то уступил ей место и по-свойски сказал: «Садись сюда». Она села, ощутив через невесомую ткань платья нагретое сиденье

жесткого стула. Ей показалось, что все парни, собравшиеся за столом, только что дембельнулись, все были одинаково хмельны, одинаково одеты. Каждый пыхал жаром и мысленно раздевал гостью. А их подружки, как шашки, уже были наголо, сверкали на гостью, начавшую свое восхождение с модели, завистливыми взглядами

Конечно, все было не так. Мария искала разницу между ее миром и тем, что заняли эти люди, и пока что не находила ее. Насильно заставила себя представить следующую картину: все пятнадцать человек выходят из подъезда проводить ее, видят машину, которая еще не вошла в серийное производство, хором спрашивают: «Твоя?», хмыкают и отворачиваются.

Нет, все не так. Похоже, зависти – даже к ее роскошному платью, цацкам с бриллиантами, к ее фигуре, доведенной до совершенства на спортивных тренажерах у Слуцкер и Краг-Тимгрэн – у них не было. Чтобы она появилась, им нужно растолковать, что к чему, *заставить* поверить в это.

В голове вдруг всплыло старомодное слово, его наверняка не произносил никто из этой шумной компании: ровня. До некоторой степени обидное.

Поняла другое – другого мира как раз и не существует. Мир один, но у него есть свои окраины-задворки. Поняла, что после этой вечеринки-полдника ничто не сдвинется в ее мозгах. Ничего подобного. Просто она на других людей посмотрела. У них свои взгляды на жизнь, у нее свои. Но в одном они похожи: у каждого из них было столько денег, что никому не нужно думать о завтрашнем дне. Дело в кошельке, а не в его размере.

Все, что она хотела увидеть, увидела. Услышала. Попробовала: красное вино оказалось с каким-то терпким вкусом, словно отжимали его не из винограда, а из черенков лозы. Выказалась: по просьбе «трудящихся» произнесла тост: «За дембель!» Удивилась: «Что, у тебя еще и день рождения сегодня? Ну тогда за здоровье твоих родителей!» Огляделась, найдя лет сорока пяти притихшую пару, которая смотрела на нее как на инопланетянку *неопределенного* возраста – лет на пятнадцать младше их и лет на пять старше их сына. Попрощалась:

– Я на минутку забежала, только поздравить. Подарок за мной. Витя, проводи меня. – И чуть громче: – Всем спасибо! (А прозвучало: «Все свободны!») Было приятно пообщаться.

Пора придерживаться выбранного раз и навсегда курса: начинать с того, что все забывать, что делала раньше, игнорировать все, что уже существует.

– Не обиделся? – спросила она у Виктора, спускаясь по лестнице.

– Да нет, все нормально.

– Позвони мне, если будет желание. – Девушка вынула из сумочки визитную карточку. На асфальт упала другая – сероватая и строгая. Близнец поднял ее и пробежал глазами: *Москва, Старая пл., 4. Тел. (095) 2068911. Корсаков Дмитрий Николаевич*. Мысленно присвистнул: Кремлевский адресок-то.

– Знакомый? – спросил он, возвращая визитку Корсакова. – Из администрации?

– Полковник из Кремлевского полка, – нехотя пояснила девушка. – Вообще-то им визитки не положены – это кич, но Корсаков отвечает за связи с прессой, размещает гостей в резиденциях. Если гости – иностранцы, то отвечает на вопросы аккредитованных с ними журналистов. Тот еще черт, охранника мне порекомендовал, ждет, когда я на спину перевернусь. – Она постучала ногтем по своей визитке: – Разберешься, что к чему: здесь и домашний и рабочий телефоны. Будешь звонить на рабочий, назови меня по имени-отчеству, иначе секретарша трубку положит. Видишь какой номер, – не без гордости заявила Мария, – 555-01-23. Кучу бабок за него выложила.

– Своя фирма?

– Да. И своя торговая марка: M&D. Слышал?

«Зачем я спросила? Если и слышал, то нечто созвучное: «эмэндемс». Тают во рту, но не в руках».

– Дальше не провожай, у меня за углом машина. Удачи тебе, Витька-дембель.

Девушка протянула ему руку.

Близнец нежно пожал ее и сказал:

– Ты красивая.

Андеграунд...

Нужно долго смотреть на него, но не для того, чтобы разглядеть, запомнить, а дать посмотреть и запомнить себя, каждую черту. Чтобы он долго вспоминал взлет и падение ее ресниц, улыбку, идеальную белизну зубов, нежную смуглую кожу, легкое дыхание.

– Ладно, проводи меня, красивую, до машины. Возьми меня под руку, а то я шпильки сломаю на ваших колдобинах.

Витька сделал больше – обнял девушку за талию и, прижимая к себе, перенес через лужицу. Потом отпустил. «Грубовато, но не дико», – констатировала слегка обалдевшая Мария. И вообще эта выходка Виктора ей понравилась. Отчего-то сравнила его с мустангером Джеральдом из «Всадника без головы».

– Я вижу, ты парень не робкий.

– Чего это мне робеть? Но для тебя могу покраснеть. Плавающие уши – это мой коронный номер. Когда спички кончаются, все ко мне идут.

Мария рассмеялась.

– Ты где служил-то?

– В спецназе.

– Круто... Десантник, значит.

– Да нет, я в антитеррористическом взводе службу проходил.

– Террористов видел, да? Если не хочешь, не отвечай. Извини, машина двухместная, а то бы прокатила тебя с ветерком. – Она заняла место в машине и положила локоть на опущенное стекло. – Олег в ванной был, когда ты позвонил.

– Не извиняйся за него.

– Ну ты и сказанул! Я за себя-то никогда не извиняюсь. Ладно, поеду на работу, у меня через неделю показ коллекции одежды в ГУМе, надо готовиться.

– Что шьешь?

– Да всякую фигню для политических королей и их сосок. Ты на это даже не посмотришь. С ветерком...

Ветер свистел в ушах, когда «Субару» мчался обратно к центру.

В фирменном отделе «Версаче», расположенном в ГУМе, Мария присмотрела стильные, зеленоватого цвета джинсы за сто пятьдесят долларов. Вручила упакованный подарок водителю:

– Отвези. Адрес помнишь? Смотри, не умотай в Подольск.

– А если он не возьмет? – проявил проницательность Цыганок.

– Возьмет, – уверенно ответила Мария.

Она проводила телохранителя взглядом и отправилась в демонстрационный зал, отведенный для показа ее коллекции. Престижное место. Именно там состоится презентация экипировки олимпийской сборной России фирмы Bosco Sport. Многие консультанты и менеджеры узнавали ее, и она отвечала на их приветственные кивки легкой улыбкой. Неожиданно подумала о том, что ночью позвонит Витьке: «Привет, Витька-дембель! Не спишь?» – «Нет, о тебе думаю». Но прежде наберет номер Лосева, чтобы спросить другой – «Витьки-мустангера». Настроение снова покатило под горку. С ветерком.

* * *

Компания расступилась, давая дорогу парню лет тридцати. Крапивин тоже посторонился, отступив к двери, но инструктор остановился напротив него:

– Привет, Виктор!

Вначале он узнал его по голосу:

– Товарищ капитан...

– Просто Андрей, – улыбнулся инструктор. – Ничего, что я без приглашения?

– Да нет, все нормально...

Близнец не мог сказать себе, что его обрадовала встреча с бывшим инструктором. Он еще не остыл от армейских друзей, прощание с которыми не вылилось в клятвенные обещания обязательно встретиться. Просто для него закончился очередной жизненный этап, закончилась работа, а не служба как таковая. Потому в прощании с боевыми друзьями не было место праздности. И вообще о чем говорить при встрече? Об Ингушетии или ее соседке Чечне, что в общем почти одно и то же? Даже вспоминать об этом не хочется. Все, дверца в ту топку закрылась раз и навсегда, наглухо, теперь пора малевать мирный заслон, который отгородит даже от воспоминаний.

Одна неожиданная встреча его порадовала, оставила в груди чуть щемящее чувство: он видел Марию в первый и последний раз. Визитка и предложение позвонить – не больше чем любезность, отходная. А вот глядя на инструктора, Близнец ощутил в груди тревогу. Через капитанские руки прошли сотни курсантов, и невозможно представить, что он вот так запросто навещал каждого. Но почему не удивило письмо от Проскурина, где в самом конце он указал свой домашний номер телефона? Это раз. И почему сам Крапивин ответил ему в той же письменной форме? Хотя мог бы не отвечать, а просто позвонить: письмо капитан Проскурин получил дней пять или шесть назад, не раньше.

Снайпер уделяет большую часть времени наблюдению. Это стало второй натурой Крапивина. Он не представлял, что в сравнительно короткий срок можно переделать, сломать уже состоявшегося, получившего родительское воспитание человека. И отчего-то не было желания представить гостя «по полной программе». Вдвоем с напарником они большие сутки удерживали банду боевиков, рвущуюся в Чечню из сопредельной Грузии. В одном бою Андрей Проскурин положил одиннадцать «духов». И его взвод «понес минимальные потери». Потом пришло подкрепление, налетели «МиГи», «рассеяли» банду, и по следам боевиков вышла егерская рота спецназа. Прошло два месяца, и тогда еще лейтенанта Проскурина пригласили в Кремль, где Верховный главнокомандующий лично вручил ему орден.

Странная мысль родилась у Виктора. Он подумал: может, капитан специально ходит по гостям и дожидается того момента представления «по полной»?..

Полчаса за праздничным столом пролетели незаметно. Хозяин и незваный гость вышли покурить. Вдвоем. Крапивин жестом оставил приятелей на месте.

– У тебя ко мне дело? – в лоб спросил Виктор.

– И да и нет. У тебя есть награды?

– «За личное мужество».

– Ты дорожишь своим орденом?

– Я... – Витька проглотил ком, – я дорожу своим орденом.

– Тогда у меня к тебе два вопроса. Первый: что ты думаешь об этом? – Андрей Проскурин вынул из кармана фотографию и протянул собеседнику. – Второй: не кажется ли тебе, что место твоему ордену здесь же?

Глаза у Близнеца полезли на лоб, едва он взглянул на фотографию. А инструктор уже миновал один лестничный пролет.

– Если хочешь поговорить на эту тему, позвони мне, – прозвучал его голос, размноженный эхом.

– Стой! Подожди, Андрей! Чей это орден?

– Не мой, – прозвучал ответ.

И тут же хлопнула подъездная дверь.

* * *

Близнец ворочался на постели, как медведь в берлоге. Сон не шел. Большеухая Светка мирно посапывала рядом и чему-то улыбалась во сне.

Крапивин встал, прошел на кухню, достал из холодильника бутылку пива. Не зажигая света, открыл ящик и нащупал открывашку. Хорошее пиво, холодной фильтрации, приятно пощипывает нёбо, освежает, слегка дурманит голову. Включил телевизор, стоящий на холодильнике, отключил звук. Хотя мог разбудить только Светку. Родители, словно это была свадьба, оставили «новобрачных» в квартире одних и ушли ночевать к родственникам. Неудобно, конечно, перед родителями. «Что я, зверь, что ли, изголодавшийся? – недоумевал Витька. – Рекрут, блин, отмотавший «четвертак»? Ладно, это их проблема, а не моя».

Тройной праздник вылился в четверной. В пятерной – образ Маши долго не выходил из головы. Таких красивых женщин – именно женщин, а не девушек, он видел только по телевизору и в иллюстрированных журналах. Она была упакована от и до: уверенностью, опытом, манерами, свойственными, наверное, только ей, неповторимым запахом. Одежда не в счет – тряпки они и есть тряпки. Она походила на мечту, по-юношески рассуждал Витька. Мечту, которую отогнал прочь визит инструктора, да еще фотография, которую он вручил.

Близнец зашел в туалет, откинул крышку унитаза и едва не вздрогнул. В желтоватой ложбинке, заполненной водой, он явственно различил отблески ордена. Как на фотографии.

Задаёт загадки капитан-инструктор. И почему Витькин орден тоже должен лежать в унитазе? Больной какой-то. Только псих может положить награду в унитаз, сфотографировать и спросить, что об этом думают другие.

Кто-то получил ее по делу, просто так боевыми наградами не разбрасываются. Осквернил орден.

Осквернил...

В своей комнате Близнец нашел тугую пачку армейских писем, отыскал письмо от капитана Проскурина с номером телефона. Закрыв дверь в спальню, прошел в прихожую. Снял трубку и набрал номер:

– Андрей?

– Да.

– Это Виктор Крапивин. Может, придурки вроде тебя нужны и полезны, но только не мне. Зачем ты это сделал?

– Поговорим завтра. Приезжай в спецшколу к двенадцати, буду ждать.

– Может, мне «Скорую» тебе вызвать?

В ответ – короткие гудки.

– Псих! Вот ты меня загрузил на ночь! Никуда я не поеду, на хер ты мне спахтался! – Витька плюнул в пищавшую трубку и бросил ее на рычаг.

Показалось, нашел способ успокоиться. В очередной раз открыл фирменный пакет и достал джинсы. Снова примерил – сидят как влитые. На миг показалось, что это Машины джинсы, даже ноздри пришли в движение. Желание накатило волной, и он бесцеремонно растолкал большеухую Светку...

Глава 4

Под знаком близнеца

За восемь месяцев до этих событий

24 октября 2003 года, в пятницу, к генералу Свердлину зашел с докладом Владимир Шведов, исполняющий обязанности начальника отдела Службы безопасности президента по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти. Александр Семенович только что вернулся из поездки в Бангкок, где принцесса Маха показывала российскому президенту, прибывшему на саммит АТЭС, как извлекают шелк из тутового шелкопряда. Ничего особенного: шелкопряда бросают в кипяток и потом начинают тянуть из него нить. Когда из гусеницы вытянут все «жилы», ее обыкновенно съедают. Привычно и совсем по-русски.

Накануне у Шведова состоялась встреча с нервным, лет пятидесяти, человеком, представившимся бывшим военным прокурором. Юрий Хворостенко оказался борцом-одиночкой с коррупцией и фактически был контужен навязчивой идеей вывести генералов Минобороны и Генштаба на чистую воду. Причем через силовую структуру, наиболее близкую к главе государства. Как выразился сам прокурор, «структуру не передаточную», «из рук в руки».

– Он принес кучу документов, – докладывал полковник Шведов, наглядно демонстрируя начальнику пухлую папку с тесемками. – Подергал за тесемки и говорит: «Это пеньковая веревка для бывших и действующих генералов». Я спрашиваю: «Что там у вас?» Он отвечает: «Боевые приказы и планирующие документы, оформленные задним числом». А глаза пышут жаром: «Все от меня получают, все!»

– Какого года бумаги? – спросил Александр Семенович, сумев прочитать на титульном листе что-то вроде эпитафии: «Шпионы, работающие против нас, могут немного передохнуть. От них вреда меньше, чем от внутренней коррупции». И с этим андроповским высказыванием генерал был полностью согласен. Даже готов был дать разрешение повесить его в качестве девиза в каждом кабинете отдела.

– Начало 95-го, – ответил Шведов. Полковнику был к лицу фирменный твидовый джемпер с локтевыми накладками, который, однако, не подходил к черным костюмным брюкам. Шведов был наиболее близок к начальнику СБП. Во-первых, «по семейным обстоятельствам». Их жены работали в автобизнесе (сеть столичных салонов по продажам немецких авто) и помимо обширных связей – в таможне, в частности – имели мощную протекцию со стороны «главной» спецслужбы страны. Всего лишь раз был наезд со стороны преступной группировки, и на место тут же выехал спецназ Центра СБП.

К тому же Шведов был использован Свердлиным в ином бизнесе: контроль над столичными охранными предприятиями, обеспечивающими безопасность многих российских и иностранных знаменитостей.

– Приличная бомба, – продолжал Шведов. – Прокурор на этот счет выразился очень точно: «Приговор военного трибунала тем, кто затолкал наши войска в страшное жерло Грозного». Кажется, я воспроизвел дословно.

Имя военного прокурора Хворостенко генералу Службы было хорошо известно. Хотя бы по тому факту, что ныне уже бывший офицер Службы безопасности президента имел с ним тесный контакт и сообщил, «что в Моздоке накануне ночного штурма состоялась дружеская пирушка, на которой и родилась бредовая идея, приписываемая Грачеву: кто первым ворвется в Грозный, тот получит Звезду Героя».

И дальше:

«Во время ночного штурма Грозного полузахмелевшие командиры, пожелавшие преподнести министру-имениннику подарок ко дню рождения, все-таки решились на ввод частей в некоторые районы города...»³

Результат – страшные потери.

– Почему именно сейчас он принес их, интересовался? – спросил Свердлин.

– Конечно. Позавчера, говорит, было рано, послезавтра будет поздно. Я назначил встречу через неделю. Точнее, через шесть дней. Уже пять осталось, – задавил числами полковник. – Он явится в четверг.

– Он оставил свои координаты?

– Я попросил его оставить. Его адрес и телефон записаны на первом листе.

– Хорошо, я посмотрю. Одну секунду, Володя, – остановил Шведова генерал. – Ты подготовил список в Минэкономразвития?

– Черт! – ругнулся полковник. Он совсем забыл о списке, в который после тщательной проверки близкого окружения министра внес шесть фамилий. Все они были коррумпированы, на что лично генералу Свердлину придется указать главе экономического ведомства и посоветовать избавиться от этих людей. Шведов мог прямо за соседним столиком черкнуть на листке бумаги фамилии чиновников, однако шеф не пойдет с этими закорючками в министерство. – В понедельник все будет готово, Александр Семенович.

– Хорошо. Если сегодня – понедельник. Можешь идти, – отпустил он Шведова. – Жду тебя через час.

Генерал просидел за изучением бумаг и этот час, и несколько последующих. Фактически работал всю ночь. Документы оказались не просто интересными, а очень интересными.

В половине девятого утра он позвонил Шведову на домашний номер и потребовал узнать про военного прокурора все, что только можно.

В среду вечером на стол Свердлину легло небольшое, но емкое досье на бывшего военного прокурора Юрия Александровича Хворостенко, 1953 года рождения.

Человек этот оказался неуживчивым. В 1996 году он уволился со службы. Последующие два года работал адвокатом в столичной адвокатской конторе «Сквозняков, Романов и партнеры». Ровно четыре месяца назад покинул офис, принадлежащий преступной группировке с нацистским «уклоном» «Южная». Хотя именно у «южан» карьера Хворостенко складывалась весьма успешно. Во всяком случае, с материальной стороны. Трудно сказать, насколько сильно беспокоили его события десятилетней давности. Что-то вроде занозы в заднице, сравнил генерал.

Свердлин снова побеспокоил Шведова телефонным звонком и попросил срочно зайти.

– Собери полное досье на «южан», – распорядился он. – А пока расскажи своими словами об этой группировке.

У Владимира Шведова был свой оригинальный стиль изложения материала. Он словно перемалывал сухие строки донесений, рапортов и служебных записок, замешивал их в голове и выпекал самобытный продукт.

– Глава «южан» – Алексей Захаров, родом из Ставрополя. В молодости – активист общественного неонацистского движения «Русский Кавказ». Обвинялся в разжигании расовой, религиозной и национальной вражды, использовании фальшивых документов. Занимал должность главного редактора газеты «Русский Кавказ». С его активным участием организовалось молодежное движение «РККА», что переводится легко: «Русский Кавказ – казакам». В 1993 году приехал в Москву и при поддержке своего двоюродного брата-москвича Саша Сальникова образовал группировку, которая начинала с рэкета, а позже выросла во что-то вроде общественного движения. «Южане» отчасти прославились тем, что заполонили контролируемые

³ Виктор Баранец, «Потерянная армия: Записки полковника Генштаба».

ими спортивные магазины бейсбольными битами – хорошим аргументом, которым «хлопцы» крушили ребра «басурманам».

– Что сегодня?

– Сегодня – не знаю. А на январь будущего года Захаров запланировал празднование юбилея – День образования общественно-преступного движения «Южная». Десять лет назад можно было бы и скаламбурить: мол, группировка была необразованна. Но сегодня на «южан» работают аналитические группы, четко функционирует система контрразведки и прочее, без чего немисливо существование действительно мощной группировки. Как я уже говорил – исповедующей «легкий» или «умеренный» нацизм, – напомнил Шведов. – Что отражается в популярном девизе «Россия для русских». С 1994 года и по сей день «захаровцы» периодически отвоевывают у выходцев с Кавказа их «традиционные» территории. Действуют согласно детективной литературе: «Что, не согласны? Ну, тогда к вам гости». Гостей обычно человек сто. И начинается натуральный бейсбол.

Свердлин покивал. Идея «легкого нацизма» уже официально начала витать в коридорах власти. Блок «Родина» сделал блестящий ход, используя в предвыборной кампании именно этот девиз – «Россия для русских», и оставил своих конкурентов далеко позади.

Отпустив Шведова, Свердлин позвонил Хворостенко по телефону и назначил встречу на субботу, 1 ноября. Сделал еще один телефонный звонок и попросил своего личного водителя, старшего лейтенанта Юрия Цыганка, выйти в субботу в вечернюю смену.

Генерал решил использовать излюбленный прием спецслужб. В данном случае это подготовка заговора с целью устранения одного конкурента и ослабления позиций другого во главе с человеком, который на протяжении десятилетия выискивал планы выведения генералов на чистую воду – посадить за решетку, уготовить пулю. Затем раскрыть заговор силами своего аппарата и шагнуть мимо пошатнувшегося поста директора ФСО к более высокому креслу.

Что касается аппарата Службы, то его с блестящей подачи Бориса Ельцина до сей поры называли «маленьким КГБ». Отдавая приказ Александру Коржакову на создание этого ведомства, Борис Николаевич, однако, едва не проиграл. Он получил письмо со стандартной «шапкой»: «Президенту Российской Федерации ЕЛЬЦИНУ Б.Н.». А из «подвала» светились глаза его личного охранника: «Искренне ваш. Честь имею. А. КОРЖАКОВ». Середина обращения выела не только бумагу, но и душу президента:

«...Вероятно, Вы считаете, что поступили правильно с государственной точки зрения, поддавшись на уговоры тех, кто убедил Вас в том, что, убрав Вас с дороги, Вы быстрее придете к демократии... Я всегда разделял Ваши политические убеждения и был рядом с Вами в самые трудные минуты Вашей жизни...»

И президент забросил мяч на вытопанное поле противника, уже не защищаясь. То был Указ «О Коржакове А.В.» № 963 от 20 июня 1996 года об освобождении генерала от занимаемой должности начальника Службы безопасности президента.

* * *

К месту встречи на Малой Пироговской Юрий Александрович Хворостенко приехал на «Жигулях» в сопровождении двух человек с военной выправкой. На бывшем военном курорте был черный пиджак, камуфлированный перхотью, синяя рубашка и светлые брюки. Короткая губа топорщилась седой полоской усов. Во взгляде – смесь настороженности и навеки ввевшейся в глазную слизь лихорадочности.

Ровно одиннадцать вечера. Возле черной «Волги» с непроницаемыми стеклами стоял высокий плечистый парень. Юрий Цыганок сделал шаг навстречу Хворостенко и его спутникам, холодно и безапелляционно бросил, указав на прокурора, опирающегося при ходьбе на трость с изогнутой рукояткой:

– Только вы. – Цыганок шагнул назад и открыл дверь со стороны водителя: – Садитесь. Трость прислоните к машине. Во время разговора не оборачиваться, резких движений не делать.

Для сопровождающих Хворостенко людей это значило: если их старший товарищ и захочет уехать, то по собственной инициативе. Могли спросить: «Ключи зажигания на месте?» И получить ответ: «Да, торчат там, где им и положено торчать: в замке».

Цыганок закрыл за Хворостенко дверцу и остался стоять рядом в непринужденной позе: ноги чуть расставлены, руки сложены на животе. Работа только с виду из разряда «монументальных». Лейтенант был собран и за рулем, и когда сопровождал шефа. В кобуре, расположенной слева и скрытой под пиджаком, покоился снятый с предохранителя пистолет Макарова, оснащенный патронами с пулями старого образца: со свинцовым сердечником, запрессованным в стальную оболочку, а не наоборот, как современные пули, которые скачут при попадании в твердую преграду и отскакивают от бронежилетов со стальными пластинами.

Цыганок привык к такой работе. Часто он дожидался шефа возле подъезда жилого дома, офиса. Возвращался, привычно отмечая, нет ли за ним «хвоста». На подобные мероприятия он выезжал на «Волге» с форсированным двигателем, но чаще сидел за рулем бронированного «Мерседеса» класса «G».

В салоне «Волги» негромко звучала композиция Вильяма Аура «Синий коралл». Тихая и спокойная музыка не мешала беседе, заодно зашумляла голоса в машине.

Первым заговорил человек, лица которого Хворостенко не мог разглядеть при всем желании. Во-первых, было темно, а во-вторых, он получил указания, походившие на приказ.

– Я не называю своего имени по нескольким причинам. Во-первых, я занимаю высокий пост в одной из спецслужб. Причины, которые подтолкнули меня к данному шагу, вам станут понятны во время беседы. Такой вариант вас устраивает?

– Да, – спокойно ответил Юрий Александрович, глядя перед собой. Когда он ехал на эту встречу, то представлял ее именно так. После телефонного звонка у него не осталось места сомнениям: Кремль по-прежнему не заинтересован в разоблачении «военных преступников» по той причине, что почти все они были живы и здоровы, занимали губернаторские и министерские кресла, возглавляли фонды и прочее. Лишь по мере их отхода в мир иной к ним проявится интерес, чтобы вопреки традиции говорить о них правду и только правду.

Однако его визит в один из отделов Службы не остался без внимания. И в данный момент военный прокурор мог угадать, кто именно проявил интерес к бумагам и сделал приемлемый дипломатический ход, сославшись на причины, подтолкнувшие его к беседе. Этот человек принял решение, ни с кем его не согласовывая. Невозможно представить, как это выглядит.

– Тогда к делу, – продолжил Свердлин. – Документы, которые вы передали в отдел СБП по борьбе с коррупцией, обременительны для тех, кому вы их адресовали. У меня к вам два вопроса: как долго вы можете ждать положительного результата и на какие жертвы согласны?

– Я отвечу на оба вопроса двумя словами: в пределах разумного.

– Например, в этих пределах уместится ликвидация генерала Дронова, скажем, через пять-шесть месяцев?

Продолжение беседы ошеломило Хворостенко. Он даже вздрогнул. В салоне «Волги» ему шили натуральную уголовщину.

– Зачем, – спросил он, непроизвольно дергая плечом, – убивать военного советника? Методы одинаковы во всех спецслужбах?

– Не мне вам рассказывать об этом. Что значит жизнь одного человека, когда речь идет о тысячах?.. Насколько правильно я понял, генерал Дронов принимал активное участие в фальсификации этих планирующих документов? Он тоже пировал в то время, когда в Грозном шли новогодние бои? И после наворотил немало, – не дав ответить, продолжил Свердлин. – Вы –

военный прокурор. Вы вместе с членами военного трибунала летели в январе 1995 года затем, чтобы верхушка военного руководства все-таки предстала перед судом.

– На такой успех никто не рассчитывал.

– Но когда вы знакомились с фиктивными приказами, у вас было желание...

– У меня было такое желание, – перебил прокурор, – но у меня не было с собой пистолета.

Объясните, при чем тут Дронов?

– У меня появился шанс, который впору называть историческим, и я не могу упустить его. Для меня Дронов – самая удобная кандидатура. По многим причинам, – добавил генерал. – От вас я требую ответить – да или нет. Чтобы гарантировать вам безопасность в случае утвердительного ответа.

«Главное, вовремя сказано», – заметил прокурор. Он колебался ровно секунду. Собственно, выбора у него не было. Нет – означало положить голову на плаху.

– Да.

– Хорошо. Теперь я объясню, почему остановил свой выбор на вас. В середине января 1995 года вы уже имели контакт с одним офицером Службы и до сей поры не расстались с желанием завершить это дело.

– Откуда вы об этом знаете?

– Ворона на хвосте принесла. Так что вы для меня человек не совсем с улицы. Я предлагаю классическую схему: создание мифической структуры, которая выступит с обвинениями, основанными на ваших документах, и возьмет ответственность за убийство Дронова на себя. Потом она таким же мистическим образом исчезнет. Предлагаю рабочее название «Второй кабинет».

– Исчезнет, сказали вы?

– Да. Но ее место займу я.

– Для чего?

– Для того чтобы согласиться с мотивами обвинений, выдвинутых «Вторым кабинетом», и продолжу разыгрывать тему. Помимо имеющихся бумаг всплывут другие документы, которые я уже начал собирать. Среди них планы правительства на ближайшую перспективу. Вы же знаете, что в Белом доме работает отдел Службы, в который вы и передали документы.

– Не бойтесь за себя?

– После открытого выступления спецслужбы начнут с меня пыль сдувать, лишь бы со мной ничего не случилось. Со мной начнут договариваться даже те, на кого я работаю.

Хворостенко думал похоже. На его взгляд, убийство Дронова – это как артподготовка. Без нее идти в атаку бесполезно – постреляют. Убийство – это дальнейшие серьезные намерения заказчиков, их нешуточные претензии, сильный шаг, сделанный с «дочерней» структуры. Действительно классика. Действительно кости, без которых немислимо даже гадание. Собственно, это то, над чем прокурор размышлял чуть раньше: при живых и здоровых генералах, занимающих высокие кресла, их разоблачение невозможно. Рассекречивание материалов происходит лишь в двух случаях: по срокам и смерти конкретного лица или группы лиц, и чаще по совокупности. Что в равной степени относилось и к намерениям опубликовать секретные материалы.

– Мне кажется, я где-то...

– Только кажется, – оборвал генерал. – Вынигде не могли слышать мой голос.

– Я хочу уточнить вопрос о приоритете.

Генерал понял собеседника.

– Документы, которыми я располагаю, довершат начатое. И в этом свете абсолютно неважно, кто поднял шум, кто взял на себя ответственность за убийство военного советника. Он лишь прыжковый мостик. Наоборот, чем больше будет таких людей, тем лучше. И советую не забегать вперед: пройдет много времени – может, полгода, может, больше, все будет зави-

сеть от расстановки сил на самом верху. Такие дела с наскока не делаются. Каждый шаг должен быть предельно взвешен.

– Вот в этом месте я должен обернуться, – решительно сообщил прокурор, – и спросить – кто вы?

И получил оригинальное разрешение – собеседник щелкнул клавишей на плафоне, и неяркий свет разогнал темноту в салоне.

Хворостенко обернулся и разглядел черты лица собеседника. Собрал на лбу морщины, вспоминая. Несомненно, он где-то видел этого человека, который едва ли не на голову возвышался над...

Военный прокурор был готов к этому, однако ему захотелось активно подвигать всеми членами своего тела, чтобы сбить ледяную корку. Он узнал личного телохранителя главы государства, хотя видел его всего несколько раз по телевизору. Камера ненадолго застыла на его суровом лице и переключалась на другое. Однако всегда было интересно заострить свое внимание именно на нем, более закрытой персоне, нежели его шеф.

И Хворостенко в одну минуту разобрался, что именно гложет этого человека. Они были похожи в одном. Каждого точило одно-единственное слово: перспектива. Как и Свердлин, работая в охране президента, не видел перспективы, так и прокурор не видел будущего за демаркационной линией своего дома. Он смотрел на личного телохранителя президента и видел в его черных зрачках усталость: ему еще долго ходить в охранниках. Если подаст в отставку, то получит какое-нибудь теплое место – не более того. Он постоянно видит, как шикуют генералы от политики, бизнеса, видит реальную власть в их руках. «Люди идут во власть для того, чтобы иметь власть над людьми» – с этим спорить невозможно. Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Тем не менее в положении личного телохранителя президента достичь таких высот можно было лишь на примере его предшественника, генерала Коржакова, который, сделав блестящий ход, прибрал к рукам Тульскую область.

Он хочет поиметь власть, которая пока еще имела его. Но в его сегодняшнем положении искать поддержку среди политиков равносильно панели – тут же поимеют со всех сторон. Сложное положение, когда и хочется, и колется. Но без поддержки ему не выжить уже сейчас – это надо понимать. Сегодня криминальные группировки в сто раз честнее правоохранительных органов, уверенно рассуждал прокурор, успевший поработать и на тех, и на других. Профессиональные силовики уже давно перешли в частные структуры. Порой дело доходит до абсурда. Целый месяц не могли даже напасть на след террористов, устроивших взрыв в Каспийске 9 мая 2002 года. Послали известного профессионала, которого некогда «съел» Рушайло, будучи главой МВД. И этот профессионал отыскал всех, а это два десятка человек, вывел их на чистую воду и отдал под суд⁴.

Нельзя сказать, что у Свердлина был беспроектный вариант с прокурором как человеком со стороны, но он был единственным, размышлял Хворостенко. Генерал не может взять в компанию кого-то из своего окружения. Поскольку этот кто-то сразу прикинет: лучше взлететь с костей генерала, чем разбиться насмерть вместе с ним. Военный прокурор хорошо это понимал и в своей практике видел подобные случаи стремительных взлетов и неудачных приземлений; иногда приземляться просто не давали.

Оба они понимали друг друга как в меру своей испорченности, так и внутреннего состояния.

Хворостенко смотрел на генерала и не мог не видеть в нем яркую фигуру, которая в его глазах уже начинала посверкивать. Сколько предложений поступит от различных организаций и движений – не счесть.

⁴ Генерал армии Валентин Варенников, «Независимое военное обозрение».

Да, все так. Но он буквально выезжал на примере своего предшественника, о котором Ельцин писал: «Очень порядочный, умный, сильный и мужественный человек, хотя внешне кажется очень простым. Но за этой простотой – острый ум, отличная и ясная голова». И прокурор в связи с этим взгляделся в собеседника более пристально. Словно действительно пытался разглядеть тот призрачный блеск. И, как показалось, увидел, как тает в нем демаркационная линия.

– Я знаю, у вас остались связи в ОПГ «Южная», которой вы продавали свои услуги адвоката, – продолжил Свердлин после затянувшейся паузы. – Не переходя на личности, вы можете пообещать Захарову поддержку с моей стороны: реорганизация в общественно-политическую структуру. В данном случае у меня под рукой весь спецназ Службы, но я не могу его задействовать по понятным причинам. А без силового ядра и финансовой поддержки в этой тонкой операции нам не обойтись. Кстати, вы готовы на небольшую роль? Дело в том, что ликвидацию Дронова необходимо окрасить в идеологические тона. Другие варианты не работают.

Прокурор все еще находился в легком шоке, однако по опыту он знал, что некий сумбур этой беседы исчезнет, как только начнет подвергаться анализу. И каждое слово обрстет пояснениями, каждая фраза обретет смысл. Так всегда бывает. Для этого и придумана фраза: «Мне надо подумать». Покопаться, найти слабые места, чтобы тут же отыскать их крепкую защиту либо в начале, либо в конце разговора.

– В чем будет заключаться моя роль? – спросил Хворостенко.

– Ничего сложного. Работа по специальности: выступить перед исполнителями с обвинительной речью, не скрывая своего имени, и быть готовым к частым вызовам в прокуратуру и следственные отделы.

– Чтобы не предстать в качестве заказчика. Это вы хотели сказать?

– Именно.

– Несложная роль. Я одинаково хорошо знаю и законы, и объездные пути.

– Отлично. Что касается исполнителей. Основного, как мне кажется, я нашел. Под него буду подыскивать второго. Именно второй должен услышать от вас следующее: «Нам нужен крепкий орешек с крепкими же мотивами личной мести к генералу». Личные мотивы – это перестраховка. Идеологическая обработка требует времени и не всегда бывает эффективной. Но все вместе даст тот результат, на который я рассчитываю.

– А что будет со мной? Вы говорите то, что я хочу услышать. У вас есть не очень, надо сказать, убедительный план, но я не думаю, что вы следуете принципу: лучше плохой план, чем совсем никакого.

Генерал снова пришел к выводу: Хворостенко умен, и работать с такими людьми всегда интересно.

– Вы вольетесь в мою компанию. А скорее – в *кампанию*. У меня есть запасной вариант, который не даст нам проиграть.

«И я его не услышу», – резонно заметил про себя прокурор.

– Дело касается закрытых от прессы планов по реорганизации силовых структур – на этом закончим обсуждение. Мы – профессионалы, и к работе привлекаем профессионалов. Впереди не одна встреча, мы успеем поработать над деталями.

Прокурор в это время думал о сроках – шесть месяцев или больше. Его не торопят, и это хороший признак. Если бы Свердлин, своими манерами походивший на Мартина Бормана, предложил приступить к работе через шесть дней или шесть недель, он бы отказался. Сразу.

И еще одно. Предложение быть в компании начальника Службы было более чем заманчивым и перспективным. С таким человеком, который мог решить практически любой вопрос, стоило иметь дело и даже платить ему.

Свердлин же вспоминал события недельной давности. Воистину, только что закончившийся месяц прошел под его знаком. Знаком Близнеца.

Адъютант генерала Дронова капитан Константин Верников обратился к Свердлину с привычной в общем-то просьбой: оформить его на должность начальника охраны военного советника. На что Свердлин ответил скуповатой улыбкой: «Он же не премьер-министр, чтобы выделять ему целую смену». Но уже к этому моменту знал, что Дронов написал заявление директору ФСО с просьбой предоставить охрану для членов его семьи – его дочери Надежды Князевой, в частности. Такие заявления часто остаются без ответа – директору писать отказ – себе дороже. Поскольку чиновники по сути своей народ капризный и к службистам относятся свысока.

Свердлин затребовал из приемной Чернякова заявление генерала Дронова и в правом верхнем углу поставил свою резолюцию: «Прошу выделить в отделение личной охраны Дронова И.В. и членов его семьи (3 объекта) водителей – 3, охрана – 3 (1 смена по 2 человека). Назначить начальником отделения капитана Верникова К.И.».

Не все офицеры и начальники государственной охраны имели специальное образование. Как раз последних-то в руководящем составе было немного. Большинство обучалось, что называется, по ходу. Впрочем, как и везде, наверное.

Капитан Верников расплылся в улыбке, принимая завизированное заявление, робко присел на стул и уж совсем застенчиво принял от генерала сигарету: «Закуривай, Костя, побеседуем». Такие беседы с начальниками смен были обязательны. Сколько ты уже с Дроновым? Какие интересные моменты были на службе? И вообще, как он, Дронов, нормальный мужик? Обезоруживающая улыбка, и капитан едва ли не растекся от знаков внимания по полу. Оказалось, что последняя боевая операция, которой лично руководил генерал Дронов, носила эпитеты «блестящая», «неподражаемая».

– Жаль, один парнишка погиб... Вызвал огонь фронтовой авиации на себя.

– Расскажи поподробнее, как это было.

– Разведгруппа в составе двух человек с позывным «Близнецы» вышла в рейд 8 сентября, – официально начал Костя. – Снайпер и его наблюдатель...

Глава 5

Человек в инвалидной коляске

21 июня 2004 года, понедельник

Инструктор поджидал Виктора Крапивина в «Жигулях» седьмой модели. Он был в майке с надписью DIESEL и свободных коричневатых брюках. Приемник был настроен на волну «Русского радио», в салоне негромко звучала «Весна-2000» диджея Грува.

Крапивин был точен. Он стукнул в стекло со стороны пассажира, когда часы показывали ровно двенадцать.

«Открыто», – показал Проскурин. Когда пассажир занял место, он протянул ему руку:

– Привет.

– Здорово, – чуть насмешливо приветствовал Близнец старшего товарища. – Решил поиграть?

– Тебе решать, игра это или нет.

– Можно было и без гнилых заездов обойтись. – Крапивин машинально поковырял ногтем старомодную наклейку на дверце бардачка. – Когда я учился в РОСТО, у меня инструктором по вождению был странный малый, года на два старше меня. Он казенную тачку обклеил этикетками, как обоями. И мечтал: «Вот куплю свою – так обклею!..» Пэтэушник. Вы с ним не из одной команды? – И без паузы продолжил, кивнув на магнитоу: – Грув? Поставь «Цыгана» – мощный ремикс, мне нравится.

– Нервничаешь? – заметил Андрей.

– С чего бы мне волноваться? – Близнец пожал плечами. – Куда поедем?

– Познакомлю тебя с одним человеком.

– А-а... Он коллекционирует боевые награды и уже не знает куда их девать. Поехали.

– А ты повзрослел...

Разговор исчерпан, посчитал Виктор, оставляя замечание капитана без внимания, и поправился: предварительный разговор.

Он прибавил громкость и откинулся на спинку кресла. Оба молчали на протяжении всего пути, занявшего около получаса. Инструктор остановил машину напротив облезлого двухэтажного дома, стоявшего в окружении таких же обшарпанных собратьев, усеянных антеннами и кирпичными трубами. Под синеватым колером проглядывали еще два слоя: салатный и грязно-белый. Отвалившийся кусок штукатурки над подъездом обнажил дранку, короткий козырек топорщился по краям ржавой арматурой. Подъездная дверь была открыта. Ступени вели не вверх, а вниз, на площадку с широкими потрескавшимися досками. Витьку удивила не ветхость этого дома – таких домов в Москве пруд пруди, а то, что в самом подъезде, пропахшем мочой, горела лампочка. Он четко различил даже трещины на массивных балясинах перил, надписи на стенах, мелкий мусор под ногами, среди которого оказались... прошлогодние листья.

На первом, считай, полуподвальном этаже было четыре квартиры, столько же на втором. Инструктор остановился напротив двери, обитой древним дерматином, и вынул связку ключей. Крапивин же ожидал, что Андрей позвонит. Он хотел было спросить его о чем-то, но капитан уже открыл дверь и жестом показал, чтобы гость вошел первым.

Обжитой запах. Другого определения атмосферы, хозяйничающей в этой двухкомнатной «сталинке», Близнец дать не мог. Просто пахло туалетом, кухней, спальней, коридором. Зайди он на кухню, различил бы там более конкретные запахи: мусорного ведра, газовой плиты, колонки, холодильника, раковины. Склонившись над раковиной, уловил бы дух тряпки, застывшего жира, слизи в чугунной улитке, еще более смердящего запаха в стояке, забитом волосами, спичками, бумагой...

Предложение Андрея Проскурина не разуваться прозвучало как отрывок из анекдота.

Витька шагнул в комнату – метров шестнадцати, с высоким потолком, давшим трещину, обклеенную даже не обоями, а тяжелыми шпалерами с темно-синим рисунком. Две стены занимала «стенка» под дуб – старомодная, с широкими платяными шкафами. В углу стояла массивная тумба со стеклянными дверцами, на ней телевизор марки «Самсунг». По другую сторону от двери – стол-книжка, кресло, торшер...

Среди этого совдеповского антиквариата Близнец не сразу заметил хозяина квартиры, а точнее – комнаты. Поскольку, глядя на него, казалось: он не выходит отсюда. А еще точнее – не выезжает. Он был частью мебели, загадочным морским существом с названием Одиссей. Он не сидел, а покоился, сторбившись, в инвалидном кресле с непомерно большими, уродскими колесами с никелированными дугами, отполированными до нестерпимо серебристого цвета.

На вид ему было лет пятьдесят – но это по человеческим меркам, на самом деле Витьке казалось, что хозяин, прикованный к своему креслу, сидит тут вечно, что его не касается суэта за пределами его темницы; за то, в частности, говорили плотно зашторенные окна и светившая под потолком рожковая люстра.

Близнец вздрогнул и едва не попятился, когда «Одиссей», ловко работая руками, поехал навстречу. Так быстро, что мог либо сбить гостя, либо затормозить в миллиметре от него. Раздался скрип – крепкие ладони-тормоза обхватили и сжали обручи. Рука – непомерно длинная, как клешня рака, потянулась навстречу гостю. Раздался неестественно мягкий баритон:

– Здравствуй, Витя. Меня зовут Юрием Александровичем. Фамилия моя Хворостенко.

Сухая клешня крепко вцепилась в руку гостя.

– Проходи, выбирай место. Можешь сесть в кресло.

«В какое?» Витька неожиданно похолодел. Он даже представил, как «Одиссей» сползает со своей каталки и лезет на диван, подпихивает своей клешней средство передвижения к гостю. Ужас.

Близнец сел в плюшевое кресло. И с этого момента уже перестал понимать, зачем он здесь. И так более чем мутная цель была окончательно замутнена при виде этого получеловека. Снайпер зачем-то дернул шнурок торшера, и тот тут же отозвался из-под абажура желтоватым светом. Крапивин поспешно дернул еще раз, еще, но проклятый свет не гас. Он бросил смущенный взгляд на хозяина и покраснел. *«Пылающие уши – мой коронный номер»*. Юрий Александрович рассмеялся:

– Что, осечка? Ты плавно потяни, как спусковой крючок.

И Близнец потянул – плавно. Свет погас.

– Хочешь кофе?

Ведро, газовая плита, колонка, раковина, дух тряпки, застывшего жира, слизи в чугунной улитке...

– Нет, спасибо.

– Мне не трудно, – настаивал хозяин. – Хотя я не так давно катаюсь на своем кресле. До этого с клюкой передвигался. Травма позвоночника. Еще в августе 95-го получил ранение.

– В Чечне? – машинально спросил Крапивин. И отчего-то не надеялся на утвердительный ответ.

– Да, – ответил Хворостенко. – В 95-м я еще был военным прокурором и в чине полковника. – Он указал на стену с несколькими фотографиями, где он был в военной форме, в том числе и на фоне бронетехники.

Близнец качнул головой: «Вот это да!..», почувствовал неловкость перед прокурором.

– Ну, если ты не хочешь кофе... – Полковник развел руками. Он немного помолчал, прежде чем приступить к делу. Этой короткой паузой он словно настраивал собеседника, подготавливал его к трудному разговору. Лицо Юрия Александровича заострилось еще больше, кожа обтянула его острые скулы и походила на пергамент. «Его, это его орден на фотогра-

фии», – окончательно уверился Крапивин. И сейчас он узнает, как награда оказалась в столь неподходящем месте.

– Тебе знакомо имя генерала Дронова? – спросил полковник.

Близнец поблел...

* * *

Территорию Чечни командир взвода называл замысловато: урбанизированная местность. И продолжал: «Бой в такой зоне является для снайперов вызовом особого рода».

Каждый день в подразделении начинался с коротких политзанятий. Собственно, одно и то же: «Мы находимся в регионе, где население враждебно относится к нам – войскам по поддержанию мира, но активно поддерживает боевиков...»

Виктор Крапивин входил в одну из патрульных групп. Бойцам спецподразделения противостояли боевики, которые скрытно перемещались с базы на базу, поскольку хорошо знали местность.

Командующего Объединенной группировкой войск Близнец видел не раз. Однажды в оптику. В июле он входил в одну из контрснайперских групп, обеспечивающих безопасность министра обороны на военном аэродроме в Моздоке. Туда собрали лучших стрелков СКВО, и они работали парами. Именно тогда Витькиным наблюдателем стал двадцатилетний парнишка из Орла. У Сергея Попова был широкий негритянский нос, белесые брови и ресницы. В отличие от снайпера он был вооружен автоматом Калашникова с подствольным гранатометом, но в крайнем случае мог подменить стрелка и поменяться вооружением. Для Близнеца наблюдатель был целым подразделением. Он был его ангелом-хранителем, он выполнял всю тяжелую работу, тащил на своих плечах оборудование, оберегал стрелка. Он был младшим братом – как-то понял Виктор, – ни больше ни меньше. И он сам готов был поменяться с ним местами, прикрывать и тащить на себе оборудование, смахивать с его лица кровососов и оберегать сон, держать наготове рацию...

Близнец отдыхал в брезентовой палатке. Рядом посапывал «оруженосец» Попов. Их сон потревожило вторжение в палатку командира взвода, лейтенанта со смешной фамилией Клотиков. Клотиков растолкал снайпера и срывающимся шепотом сообщил, что его «жаждет увидеть генерал-полковник Дронов». Лейтенант подошел к зеркалу, колыхающемуся на брезентовой стене, и горестно покачал головой:

– Мне бы серый в полоску костюм и со вкусом подобранные рубашку и галстук. Витя, ты не телись. Умывайся и... – В зеркале Клотиков увидел землистый подворотничок Крапивина и выругался: – Твою мать!.. Поменяйся с кем-нибудь курткой, елки-палки!

– Вить, дай я подошью, – предложил напарник. – Глаз не успеет моргнуть!

– Вы меня под трибунал подведете! – продолжал горячиться комвзвода. – Сейчас уколется иголкой, заснете, на хрен, а я вас, красавцев спящих, потом буду целовать, что ли?! Серега, отдай Витьке свою куртку! Витя, надень куртку товарища! Это приказ!

Лейтенанту было ненамного больше, чем Крапивину: двадцать четыре. Вот уже год он торчал в Чечне и сочинял горячие письма своей невесте. В Брянск. И регулярно получал письма из Брянска. Почтарь нарочно кричал: «Кому из Бяньска пишут? Клотиков есть?» – «Есть, есть!» – кричал Клотиков. Хватал письмо, широко улыбался, уходил и уединялся.

– Ты не разыгрываешь? – спросил Виктор.

– Какой розыгрыш?! Не слышал, «вертухай» полчаса назад приземлился? Сам Дронов прилетел! Сам, видимо, получил приказ, теперь нас напрягать начнет. Велел собрать старших патрульных групп. Я знаю – ты не старший. Но он велел привести лучшего снайпера. Думаю, в рейд пойдешь.

– Ну спасибо! – сквозь зубы процедил Близнец. – Выручил!

– Витя, не упусти шанс. Ты получишь приказ от самого командующего. А это орденом посверкивает. Сто процентов.

– Или цинком, – тяжело пошутил Крапивин. Он принял от напарника куртку и подмигнул: «Спасибо». Потом напомнил: – Прибери тут.

Они только под утро вернулись из трехдневного рейда. Рядом с кроватью лежали комбинезоны из ткани защитного цвета с усиленными передней частью, коленями и локтями. Поверх комбинезонов, облитых сотнями коротких лент, размещенных сзади и по бокам, чтобы деформировать силуэт, лежали маскировочные сетки для лица; в них еще можно было заметить траву и мелкие кусты. Оружие, обмотанное такой же камуфлированной тканью, стояло в самодельной стойке.

Генерал Дронов находился в кабинете командира части и кипятился не меньше лейтенанта Клотикова: гонял желваки и дергал глазом: «Когда наконец-то приведут Крапивина!» Генеральская свита – командиры мотострелковой дивизии, десантного батальона и еще пара полковников из Ханкалы плюс адъютант командующего капитан Верников – столпились в коридоре и слушали Дронова через открытую дверь. Недовольно морщились: командиры патрульных групп, словно были рангом повыше, – их пригласили в кабинет. Вот еще один прется.

Дронов смерил вошедшего снайпера тяжелым взглядом и на удивление быстро взял себя в руки.

Лейтенант был прав: от министра обороны Дронову досталось по полной программе. Есть горный район, откуда боевики «безнаказанно совершают налеты на близлежащие села». Район, словами министра, «неконтролируемый боевыми подразделениями федеральных войск». Министру было плевать на грядущее назначение Дронова. По слухам, просочившимся даже в отдаленные районы Веденского района Чечни, генерал вскоре займет пост военного советника президента страны. Может, министр напоследок решил подпортить настроение генералу, который, однако, не останется в долгу: курируя в Госдуме вопросы оборонной стратегии, он будет иметь определенное давление на министерство.

– За последние две недели боевики совершили четыре нападения на населенные пункты. Причем из мест, патрулируемых вашими отрядами, товарищ полковник, – акцентировал Дронов, покосившись на командира части.

Он поочередно глянул на командиров патрульных групп, вытянувшихся по струнке вдоль двух стен просторного кабинета. Генерал давно «прославился» тем, что не брезговал общаться с рядовым составом. Порой он охотно позировал перед солдатскими «мыльницами» и сам собрал приличную коллекцию снимков. Часть вошла в его книгу «Безымянная высота».

– Вот ты, – генерал указал на командира первой патрульной группы сержанта Демидова, – доложи обстановку, как ведется патрулирование. И вообще объясни, как ты понимаешь свою задачу.

Сержант-громила – под два метра и за центнер весом – начал довольно бойко и ничуть не смущаясь зеленоватых звезд на погонах генерала и его недовольной физиономии. Рискованно вообще-то, подметил Близнец, поскольку Дронов мог еще больше возбудиться, приняв раскованный тон сержанта за откровенную дерзость. Пока командир группы докладывал, Близнец мысленно семафорил Дронову: «Привет! Не узнаешь меня? А я тебя видел в оптику. Помнишь, ты встречал министра обороны на аэродроме в Моздоке?»

– Я понимаю свою задачу как боевое патрулирование, товарищ генерал. Боевики давно знают возможности наших патрульных групп. Они приноровились к нашей тактике и легко обнаруживают и без того ограниченные места для наблюдений и огневых позиций. Они обстреливают наши точки из гранатометов и минометов, проливают мощным пулеметным и автоматным огнем и отходят. Снайперы, конечно, цепляют их...

– Куда они отходят?

– В горы. Однажды мы получили приказ и тремя группами пошли следом. Вернулись с семьей «двухсотыми».

– Причина неудачи?

– Причин много, товарищ генерал, – ответил командир части, незаметно толкнув сержанта: «Молчи!» – Во-первых, группа получилась большая – двадцать семь человек. Такой большой отряд легко вычислить. Во-вторых, это не наши места. Там хозяева – боевики. Там у них много баз – начиная от промежуточных, заканчивая основными. Подступы надежно охраняются такими же патрульными группами. Образно говоря...

– Не надо образно. Я понял: каждый контролирует свою территорию.

– Так точно. Только мы набеги на села не делаем.

– Чего вы не делаете?!

– Извините, товарищ генерал. Нам не хватает разведданных от агентуры.

– А нам не хватает данных вашей разведки. Мы планируем провести широкомасштабную операцию с применением авиатехники. Десять дней. За это время нужно установить одну-две основные базы боевиков. Углубиться на «их» территорию.

Дронов остановил свой взгляд на «солдате с особыми способностями, обученном выполнять специальные задания и использовать для этого специальное вооружение и снаряжение». Так или почти так думал про стрелка генерал. Его главная задача – вести меткий огонь по целям, уничтожать лиц, указанных представителями военной разведки, и многое другое. Другая важная задача снайпера – сбор информации о противнике и наблюдение за его позициями и огневыми точками. Его способности, умение грамотно вести наблюдение и скрытно передвигаться на поле боя делают его незаменимым в разведке. Дронов мог припомнить не один случай, когда разведывательная информация, полученная от снайпера, оказывалась более ценной, чем ликвидированная им цель.

Как никто другой, он умеет скрытно обнаруживать вражеские формирования, находить подходы к местам дислокации противника, занимать выгодные огневые позиции. Наблюдать, анализировать увиденное и точно докладывать обо всех передвижениях противника. И при этом принимать необходимые меры, чтобы не быть обнаруженным.

«Тот, кто готовит войну, должен подготовиться к тому, что в тылу окажутся диверсионные группы». Это запоздалое правило генерал повторял сотни раз. Равно как и другое: «Насилие неистребимо, поэтому террор вечен». Поэтому в войсковых подразделениях стали появляться антитеррористические группы, укомплектованные классными разведчиками.

– Тебя считают лучшим стрелком подразделения. Ты отличился? Сколько раз?

– Я не считал, товарищ генерал, – ответил Близнец.

– Есть возможность отличиться еще раз. Большую группу разведчиков обнаружить легче, чем маленькую... – Командующий некоторое время провел в молчании. – Готовься к рейду. Пойдешь вдвоем со своим наблюдателем. Вас проводят до границы, которую вы обычно патрулируете, дальше пойдете вдвоем. Нам нужны разведданные о том районе. Информацию будешь передавать по рации. Более полно обрисуешь обстановку по возвращении. На все про все у тебя восемь дней. Наготове будем держать пару вертолетов, подстрахуем тебя.

* * *

Две бесформенные фигуры, походившие на йети, растворились в «зеленке». Ступили за деревья и словно растаяли.

Топографических карт не было, лишь данные аэрофотосъемки. Примерный маршрут был разделен на короткие этапы. Равно как и обратный маршрут. «Никогда не знаешь, остались ли после тебя следы, – вспоминал Виктор. – Нельзя возвращаться тем же путем, каким шел на

огневую позицию. А если удалось поразить важную цель, противник будет всеми способами стремиться схватить или уничтожить снайпера».

Определяя нужное место, Близнец не шел к нему прямой дорогой, но и не останавливался, чтобы не подвергать себя еще большей опасности. Очень трудно передвигаться таким способом. Но еще труднее представлять, как тяжело твоему товарищу. Это он, твой наблюдатель и оруженосец, несет на себе килограммы снаряжения, боеприпасы, провиант, радиостанцию. А у тебя лишь винтовка. Твой товарищ делает все, чтобы ты не устал. Он валится с ног, но не подает вида. Он идет за тобой, соблюдая дистанцию, и готов в любое время подстраховать тебя, вступить в бой, закрыть грудью. Вот кто такой твой напарник, твой ангел-хранитель.

Пара разведчиков углубилась так далеко, что, казалось Близнецу, вон за тем деревом стоит Шамиль Басаев, чуть дальше – Усама бен Ладен. Еще немного, и откроется целая страна террористов и бандитов: с железнодорожным вокзалом, взлетной полосой, с кафе и ресторанами... Странное чувство.

Основную базу боевиков разведчики обнаружили на четвертый день рейда. К вечеру они поменяли подсохшую траву на костюмах, обновили мелкие ветки и заняли высоту с приличным обзором. Близнец не сразу увидел тщательно замаскированную базу. И с воздуха ее обнаружить было невозможно. По сути, она являла собой лагерь, скрытый в горном лесу. Отдельные участки были «задрапированы» маскировочными сетками; такая же картина и над палатками. Палатки отстояли друг от друга на несколько метров. Были и большие армейские, и небольшие туристические.

Сергей Попов, занявший позицию справа от снайпера, смотрел в бинокль. Он доложил не сразу, больше минуты находился словно в ступоре. Потом тихо прошептал:

– Вот они...

– Вижу, – так же шепотом отозвался Близнец.

Разведчики, заняв высоту, подвергли себя смертельной опасности; и легче не становилось от того, что вся «урбанизированная местность» кишела смертями. Чеченские наблюдатели изучили каждый куст вокруг лагеря и в любой момент могли увидеть два зеленоватых холмика, поросших травой, которых раньше не наблюдалось.

Нужно менять позицию, принял решение снайпер.

– Отходим, Серега! – прошептал он.

Сантиметр за сантиметром пара разведчиков отползала с высоты. Помогал ветерок, играющий с листвой и пиликающий невидимым смычком по буковым веткам.

Теперь надо было определиться с выставленными секретами боевиков. Судя по всему, снайперская пара сумела пробраться к лагерю между двумя хорошо охраняемыми точками. Слева и справа. Примерно на равноудаленном расстоянии друг от друга. И таких точек вокруг лагеря хватало.

Нужно уходить. Высота лагеря определена – на карте это отметка 2708. По пути к лагерю разведчики часто встречали следы авиаударов: воронки, поваленные деревья, посеченные осколками, изуродованные вековые буки. Время от времени «сушки» наносили ракетно-бомбовые удары, но всегда действовали вслепую, словно прочесывая огромную горную местность.

Нет обратной связи, неожиданно подумал Близнец. Жаль, пилот не может слышать крики раненых боевиков, иначе бы он отбомбился в том районе еще и еще раз.

Спецназовцы сумели просочиться в логово зверя вдвоем, но наткнулись бы на секреты более многочисленным составом. Правильный выбор сделал генерал, невольно похвалил Дронова Близнец.

На пути к лагерю снайперская пара остановилась в том месте, где полгода назад завязался бой патрульных группы спецназа и чеченских рейдовиков. Семь человек погибло. А могло больше, если бы боевики вышли в рейд более многочисленным составом.

Близнец и его напарник отходили по своим следам. В этот раз пренебрегли основным правилом, чтобы не попасть в сектор наблюдения боевиков. Спецназовцы нашли тот единственный, наверное, участок, где к лагерю можно было подобраться незамеченными. Но случайно ли? Может, и так.

Четыре часа ушло на то, чтобы отойти от базы на полкилометра – по хребту и вдоль леса, друг за другом, каждую секунду рискуя скатиться с крутого склона. Уже звезды высыпали на небе, когда Сергей Попов развернул радиостанцию и передал в закрытом режиме радиограмму: «Обнаружил базу. Отметка 2708. Численность боевиков от 100 до 200». Через полчаса пришла ответная радиограмма: Близнецам оставаться на месте. В 5.00 ждать пристрелочного с воздуха и подкорректировать «Воздух» в открытом режиме».

Эта радиограмма практически означала для пары разведчиков вызвать огонь на себя. Они могли увидеть результат пристрелочного выстрела на самых подступах к базе. А до нее снова нужно дойти. Считай, под прицелом снайперской оптики и биноклей ночного видения. Днем намного безопасней, чем ночью. И средств наведения нет. Не та операция, чтобы тащить с собой лишнее оборудование.

В пять утра все и началось. Вначале послышался гул «сухого». Пристрелочный ухнул в трехстах метрах юго-восточнее базы.

– Поправка – триста метров на северо-запад! – выпалил в эфир Сергей.

А предутреннее небо начало распирать от рева штурмовиков и бомбардировщиков. Разведчики, уже не скрываясь, сорвались с места, но тут же напоролись на автоматный огонь сразу с двух сторон: то заработали автоматчики секретных групп. Однако слева выстрелы прекратились, когда на них свалились несколько ракет. «НУРСами лупят!» Изумлению Близнеца не было предела. С воздуха обозначенный район обрабатывали неуправляемыми ракетами. Они ложились в шахматном порядке, уничтожая все живое и неживое, тех, кто не попал под тяжелые авиабомбы, поднявшиеся над базой палатки и трупы боевиков. Реактивные снаряды предназначались для тех, кто уже начал отступление с базы. И для тех, кто подкорректировал их работу с земли.

Близнец отходил к хребту первым, его прикрывал Попов. А реактивные снаряды словно догоняли снайперскую пару, преследовали по пятам. Один снаряд догнал Сергея Попова...

Прошло много времени – час, два, больше. Близнец уже не знал, что отвечать товарищу. Попову начисто срезало ногу, и Близнецу пришлось обрезать штанину на его комбинезоне и оголенные сухожилия, наложить тугой жгут на бедро, вкатить двойную дозу обезболивающего. «Ничего, брат, все нормально, бедро осколками посекло».

...Снайпер похоронил Серегу Попова на второй день, когда уже не осталось сил нести на себе мертвое тело товарища. Он выкопал неглубокую ямку и привалил тело камнями. Он закончил свою работу, когда его вызвали по рации: «Близнец, обозначь площадку. Мы заберемен вас». Они тоже отдали последний долг, перевернув отчаянный запрос Близнеца: «У меня «трехсотый»! Тяжелый, б...! Дайте транспорт! Я обозначу площадку красной ракетой!» То было вчера, когда Сергей был еще жив, а снайпер, отступая, снял двух «духов», неожиданно севших на хвост.

– Первый вызывает Близнеца! Обозначь площадку!

– Иди на х..., Первый!

Виктор вернулся в расположение части на восьмые сутки. Шел к своей палатке и слышал то ли одобрительный гул, то ли недовольный ропот: «А мы думали...», «Мы были в шоке!» Кто-то усмотрел в нем черты Рэмбо.

Витька ни с кем не разговаривал, лишь выслушал обрывочные объяснения лейтенанта Клотикова. Тот ничего не стал утаивать, поскольку все происходило на его глазах.

– Дронов побоялся, что боевики из соседних баз пустят в вертолет «иглу». Он же намеревался обойтись без потерь, особенно авиатехники. Сам знаешь, сколько «вертухаев» разби-

лось в последнее время. Он разрешил выслать транспорт, когда границу патрулирования перенесли дальше в горы. Причем приказ отдал, находясь уже в Моздоке. А здесь оставил своего адъютанта. Мы были в шоке, честно.

– Если он снова выйдет на связь, скажи ему, что я к тому времени успел похоронить товарища... Надо идти за Серегой. Я место покажу.

Сергея Попова не наградили даже посмертно. Крапивину дали орден «За личное мужество». Он не отказался от награды лишь потому, что по возвращении решил отдать орден родителям Сергея Попова. Но не представлял, как он это сделает. Какими глазами будет смотреть на них, что скажет... в свое оправдание; сам-то он остался жив. Это он виноват в том, что Попова нашли на десятые сутки. А могли сразу, если бы старший разведгруппы не послал начальство куда подальше. Потом решил, что оставит орден как память о товарище. Когда Проскурин спросил: «Ты гордишься своим орденом?» – Близнец едва мог ответить. К этому времени он уже думал и разговаривал по-другому, стал по-настоящему взрослым.

Именно эта трагедия черкнула на титульном листе личного дела Виктора Крапивина красную диагональную полосу: «Нефункционален без каких-либо негативных эмоций», и вызвала короткий комментарий оперуполномоченного: «Испортили человека».

* * *

– Тебе знакомо имя генерала Дронова? – спросил полковник Хворостенко.

– Конечно, – кивнул Близнец, бледнея. – Кто ж не знает Дронова?

– Что именно ты знаешь о нем?

– *Боевой* генерал. Сейчас вроде бы работает советником в кремлевской администрации.

– А я знаю его очень хорошо, – тише добавил Хворостенко, – очень.

Полковник как-то незаметно начал рассказ. Он сидел перед зашторенным окном и, казалось, выплетал слова из затемненных углов комнаты, из незримо витавшей над толстым паласом пыли, из книг, повалившихся, как забор, на книжных полках, из своего участвовавшего дыхания – сухого, как степной ветер. Ветер, который перенес Близнеца в далекий 95-й. Он слушал полковника так, как если бы смотрел по телевизору документальный фильм о герое, о правде, о многом-многом другом. Фильм-откровение. Для молодого снайпера *привычно-реалистичный*. Он легко представлял картины, которые рисовал перед ним хозяин квартиры. Даже в какой-то момент поймал себя на мысли, что жалеет тех, кто не поймет полковника, не сумеет представить гор, рек, людей в военной форме, слов о тупости, глупости, крови и предательстве. Ему казалось, что аудитория гораздо шире...

Военный прокурор рассказывал о гибели Майкопской бригады.

– Она погибла, получив приказ из штаба Объединенной группировки войск в Моздоке. Новый год, в штабе застолье, управление войсками – вслепую: «При напролом! Используй момент!» Поперли, бросив в авангард 131-ю Майкопскую бригаду... Когда в штабе узнают, что из Москвы выезжают сотрудники военного трибунала и Главной военной прокуратуры, в числе которых был и я, задним числом станут отрабатываться боевые приказы и планирующие документы. Как сказал полковник Генштаба Баранец: «Живые спешили списать грехи на мертвых. Живые спасались за счет мертвых. Мертвые были идеальными свидетелями и одновременно виновниками – они не умели давать показаний...» В этой страшной трагедии виноваты многие генералы и полковники Минобороны и Генштаба, замышлявшие штурм Грозного в ночь на 1 января 1995 года. Почему я выделяю генерала Дронова, тогда еще генерал-майора, – об этом ты узнаешь позже. Я не хочу говорить своими словами – слов нет. Я буду свидетельствовать, ибо материалов очень, очень много. Командир батальона Рязанского десантного полка майор Холод: «Наутро, когда десантники, уже в пешем строю прочесывая местность, ворвались в район вокзала, от которого осталось лишь название, и заняли окружающие дома, они

увидели, что стало со 131-й Майкопской. Около сотни боевых машин стояли, как на параде, выстроившись в одну колонну. В некоторых даже еще горел свет, работали моторы. Вокруг лежали убитые ребята. Совсем юные. Спасать было некого...» Командир роты десантников капитан Ильин: «Жесточайшей проверке подвергла контрразведка боевого офицера, раненого в голову и сумевшего вывести из окружения двенадцать солдат с уничтоженной БМД. Он десять дней пробивался к своим, его считали погибшим. Вместо благодарности ему предложили перед допросом сдать оружие». В Великую Отечественную такого не было. Командир части десантников полковник Ленцов: «Я часто вспоминаю новогоднюю ночь 1995 года. И вспоминаю с чувством стыда за Отечество. Ночь. Кромешный ад. Горят танки. Мы выносим убитых, раненых. А Россия забыла о нас, посланных погибать, причем непонятно за что. По радио доносятся звуки московского веселья. Идет традиционная новогодняя передача, рекой льется шампанское. Звучат поздравления: «С Новым годом!», «С новым счастьем!» Лишний раз убедился в том, какое в России скотское отношение к армии...» Полковник Баранец: «Я зажмуриваю глаза. И перед глазами одна и та же картина: из боевой машины пехоты в центре Грозного торчат обгоревшие до костей солдатские руки. А рядом – зажавшаяся, с раздутым животом, чеченская собака, лениво шевелящая языком над обглоданной человеческой костью...» В Ростове, Моздоке и Владикавказе не знали, куда складывать трупы, не хватало даже вагонов-рефрижераторов, в которых обычно возили мороженое мясо. Многим бирку прикреплять было не к чему – не было ни рук, ни ног. Номер писали зеленкой там, где можно было его написать. По инициативе Дронова была развернута схожая жутковатая акция: в спешном порядке искали тех, на кого можно было бы повесить награды. В Ростовском госпитале произошел дикий случай. В палату вошел генерал Дронов со своей свитой. Пацану, которому оторвало руки, он вручил от имени министра обороны наручные часы... А теперь скажи, Виктор, не считаешь ли ты, что место твоему ордену тоже в унитазе?

«Да, это его орден», – в очередной раз убедился Крапивин. Он даже не понял, что только что получил подтверждение. Равно как и в вопросе военного прокурора, зачитывающего обвинительную речь, не расслышал вопросительных интонаций. Они были утверждающими. Твоему – место – рядом – с моим...

И соглашался с Хворостенко по многим причинам. Он – молодой, здоровый и сильный – сидел напротив прикованного к креслу инвалида. Он угадывал, что последует дальше, ждал... и *надеялся* на продолжение. Он ждал своего очередного согласия.

– Ты умный парень и догадался, чего хочу я и мои единомышленники. Их, выброшенных в унитаз, сотни по стране...

«Согласен».

– Мы именуем себя «Вторым кабинетом». Пусть тебя не тревожит, что название взято из нацистской практики, главное, сохранилась суть: *человек, представляющий угрозу кабинету, уничтожается*.

«Согласен».

– Мы остановили свой выбор на тебе. Ты волен отказаться. Мы поймем тебя. Если ты согласишься, ты будешь не один. Но не первым по той причине, что не Андрей пойдет с тобой до конца, а ты с ним. Одному ему будет тяжело, и он не справится с работой. Ваши имена останутся в тайне, я же выступлю открыто. Вы молодые, здоровые, вам еще жить и жить, а мне уже терять нечего. Я двойной калека, меня всего выело изнутри... Подумай хорошенько – но недолго. Неделя – больше дать не могу. Если откажешься, нам придется возобновить поиски. Я не требую от тебя немедленного ответа, потому что не хочу услышать другого человека. Пока что ты находишься под впечатлением, верно? Я же хочу, чтобы оно выветрилось у тебя из головы. Мне нужен трезвый ответ. Потому даю тебе время подумать.

Глава 6

За того парня

22—25 июня

Вторая бессонная ночь. Близнец представил, что у него нет личной ненависти к генералу Дронову, и спросил себя: согласился бы он с полковником Хворостенко? дал бы положительный ответ? удивился бы себе? Трудно ответить.

Он действительно находился под впечатлением. Однажды он сам распахнул глаза, когда «воздух» ответил «земле» неуправляемыми ракетами, а потом хищно прищурил их. А со временем начал забывать или гнать прочь мысли, которые реабилитировали Дронова: хлесткое слово «предательство» насильно материализовалось в «подставу» – дело на войне нехитрое, а порой – обычное. Иногда от хитрости до лукавства один шаг. И сейчас Близнец явственно представил себе желтоватую страницу Библии, черную строчку из «Отче наш»: «Избавь нас от лукавого...» Во множественном числе. Легион.

Но что-то не устраивало Близнеца в состоявшемся разговоре. Он не долго ломал голову над этим вопросом. «Ваши имена останутся в тайне, я же выступлю открыто». Вот что не устраивало и не могло устроить Крапивина.

Ночь дурманит голову, заполняет ее бродящим хмелем. Он заполняет пробелы, пустоту, вскрывает шифр, заложенный в многоточии после слов – «Я согласен...» Он не хочет оставаться не то что безымянным, а натуральным исполнителем, дубовым киллером, наемником. И еще много-много определений. Все это слова; и чтобы взвесить их, материализовав, суток не хватит. Не хватит жизни. Потому что обдумывать можно вечно – что означало «тянуть». Означало прятаться за словами и мыслями. Нужно действовать, переходить от слов к делу – вот где решение всех недомолвок и колебаний. Как сделал это военный прокурор Юрий Хворостенко.

Близнец начал понимать, что не хочет остаться в стороне, но идти вместе со всеми «с открытым забралом». Вдохновляло то, что он оказался наконец-то в организации, походившей на подполье, и так было не интересней, но – значимей. Вместе они вершили что-то важное, делали своими руками, а не протягивали их. Подумал, что в Великую Отечественную, о которой вскользь упомянул полковник Хворостенко, рождались подпольные организации и боролись с фашизмом.

Организация. Он – член организации. Больше того: он – ее равноправный член. И «членская книжица» имеется. И только несколько цифр отличают ее от той, что никогда не грела грудь военного прокурора.

«Я согласен». Но времени дали мало. Хотелось долго, вечно ощущать, как наполняет грудь и голову что-то торжественное, что-то вроде присяги.

Тайная организация. Вот, оказывается, как будоражит кровь соприкосновение с тайной. Но все это ерунда по сравнению с тем, что случится через неделю, а может – раньше. Это обсуждение деталей готовящегося «акта возмездия», это тот самый переход от слов к делу. Бросок с крутого утеса в воду.

Он сошел с берега и устремился по течению бурной реки. Видел берега, но только мельком – не до этого. Главное впереди, за пенистыми валунами, которые еще нужно преодолеть.

Витька мчался по этой реке, чувствуя на горящих щеках резкие порывы, рожденные еще год назад, после возвращения из рейда. Да, только первый порыв можно считать истинным, остальные по сути своей лживые, вскрывающие лицемерие, нерешительность и даже выгоду. Он не мог отказаться от своих слов, произнесенных мысленно перед кучкой камней, которые скрыли тело товарища. Но не потому что их не услышали и не приняли. Тогда они в самом прямом смысле не имели веса, сейчас же, по прошествии времени, налились боевым свинцом. Он не мог допустить того, что кто-то – *вместо него* – окажется перед парализованным проку-

рором. Немыслимо представить себе такую позорную и озвученную картину: *«До тебя был тут один малый...»*

* * *

На крыше серебристо-красного джипа «Тойота» полыхала, как в американских боевиках, магнитная мигалка синего цвета. Она была расположена слева, ближе к водителю; он, видя хвост дорожной пробки, опустил стекло и выставил проблесковый маячок на крышу. Сейчас он гнал джип по встречной полосе и не переставал сигналить. В конце Космодамиановской набережной, которая буквально вливалась в Шлюзовую набережную, вблизи Новоспасского моста, «Тойоте» преградил путь гаишник. Он так быстро махал своим жезлом, что, казалось, крутил посреди проезжей части нунчаки. И что-то кричал при этом. И «задник» был неплох: мост, по которому, наддавая перед поворотом паровозным гудком, тащился к Павелецкому вокзалу поезд; за ним неторопливо двигались облака, пронзенные солнечными лучами.

– Урод! – выругался водитель, резко тормозя напротив гаишника. Он глянул на него через окно: над синеватым кепи постового сиял главный купол Новоспасского собора. – Быстрее! – поторопил водитель гаишника и высунул руку с раскрытым служебным удостоверением. Постовой хотел взять его в руки, но полковник ФСБ Терехин снова прикрикнул: – Быстро читай!

Гаишник не читал, он сличал оружий оригинал со спокойной копией на фотографии и был абсолютно невозмутим. Удостоверение было действительно до 31 декабря 2006 года, оттиск печати четкий. Однако... что-то уж больно молод полковник. На вид ему не больше тридцати. Стрижка под ноль, во взгляде и жестах сплошной беспредел.

Полковник потерял терпение. Он глянул на погоны постового, взгляделся, прищуриваясь, в его личный значок, наполовину скрытый за яркой накидкой-безрукавкой, быстрым движением вынул из кармана ветровки шариковую авторучку.

– Номер личного значка, лейтенант! Плохо со слухом? Номер!

Гаишник не стал напарываться на неприятности. Он отдал честь, выбросив к «бейсболке» с милицмейской кокардой руку:

– Проезжайте, товарищ полковник.

Терехин газанул, и его джип, проехав под мостом, свернул налево, в хитросплетения Крутицких переулков.

Офис фирмы «М-дайджест» располагался на первом этаже двухэтажного дома. Все окна зарешечены, жалюзи с внутренней стороны опущены. Полковник остановил машину в десятке метров от офиса и шагнул на потрескавшийся асфальт. Быстро огляделся. Группа захвата была на месте. Бойцы в камуфляже и масках заняли места под окнами и перед металлической дверью. С каждой кованой решетки тянулись металлические тросы. Пара машин была готова вырвать их и дать дорогу спецназовцам.

Чуть в стороне полковника дожидался его помощник – майор Вадим Соловьев.

– Все готово? – спросил Терехин, здороваясь за руку с командиром штурмовой группы, капитаном по званию.

– Да, ждем тебя, – слегка попенял начальнику Вадим.

На другой стороне улицы находилась автозаправочная станция «Гранд» с вертящимся кубом на крыше конторы: буква «G» и черная нефтяная капля на четырех гранях. Небольшое кафе примыкало к автомойке, из него уже поглядывали любопытные посетители и служащие «Гранда», предвкушая захватывающее действие.

– Что дверь? – спросил Терехин.

– Как в банке, – в тон начальнику ответил майор Соловьев, застегивая мятый пиджак. – Заперлись изнутри. – Он потянул носом: – Жгут бумаги, суки!

– Начинаем! – отдал команду полковник. Он достал из оперативной кобуры пистолет и передернул затвор.

Майор скривился. Он знал, что будет дальше. Полковник, как последний сержант, лихо ворвется на объект в числе первых.

Николаю Терехину было тридцать два года, полковника получил рано, в тридцать. Несмотря на относительную молодость, он был опытным следователем, а точнее – оперативником. Он чаще других своих коллег покидал кабинет и лично участвовал в оперативных мероприятиях, вплоть до задержания. Порой стоял пусть не во главе, но в середине группы захвата. Так, полагал он, острее чувствовался весь процесс, начиная с задержания и заканчивая передачей расследованного дела в суд.

Он оттеснил спецназовца, стоящего у первого, считая от двери, окна, и приготовился. Капитан-спецназовец отдал команду, и два «бычка» тронулись с места. Тросы натянулись, раздался скрежет, вытянулась, как тетива, крашенная арматура первой решетки. Потом вдруг вместе с рамой подалась вперед и едва не задела полковника Терехина. Он коротко выругался, качнул головой: «Ничего себе!», и ловко, без помощи спецназовца, перебросил свое тело через подоконник.

Помещение было задымлено, где-то действительно жгли бумаги. Терехин двинул по открытой двери ногой и, держа «макаров» двумя руками, выскочил в коридор.

Фирма «М-дайджест» сотрудничала с финской полиграфической компанией и попутно занималась переправкой финского и австрийского оружия в Россию. «Жгут бумаги» – не значит, что уничтожают накладные на оружие, – уничтожают «черную бухгалтерию», которая ведется практически везде. Короче, избавляются от небольшого, но все же лишнего груза.

В кабинет руководителя «Дайджеста» Армена Азаряна Терехин ворвался первым. Армен успел придать своему солидному телу вертикальное положение. Секунду назад он, согнувшись над опрокинутым металлическим ящиком, дул на пачку бумаг. Они сильно дымили, но горели неохотно, как рукописи.

Николай цокнул языком:

– Ай-ай-ай, Армен!.. Чтобы пожарить шашлыки, нужны хорошие дрова. – Полковник взял со стола бутылку с минеральной водой и вылил в импровизированный мангал.

Позади раздавались крики. Матерились все – и сотрудники «Дайджеста» – в основном армяне спортивного телосложения, и оперативники с военной выправкой, и плечистые спецназовцы. Последние валили первых руками, ногами, прикладами, надевали на них наручники; то тут, то там звучали короткие очереди из штурмовых «каштанов» с магазинами в рукоятке. Оперативник с видеокамерой не успевал за скоротечными действиями. Когда он в сопровождении двух штурмовиков вошел в кабинет Азаряна, Терехин уже сидел напротив Армена, положив ногу на ногу.

– Ну что, Армен, сам покажешь, где оружие, или нам самим поискать?

– Самим поищите, ну, – с нарочито сильным акцентом ответил армянин и даже всплеснул руками.

– Крыльями-то не размахивай, – предупредил Терехин, – а то я тебя окольцую, как вымирающего пеликана. Давай-ка поговорим о деле. Я расследую убийства, а не в порнухе ковыряюсь – это для начала. Вчера на Неглинной, неподалеку от театра «Школа современной пьесы», был убит Джек Гольдман – американец русского происхождения, слышал?

– Нет, не слышал про такой театр.

– А про театр на Лубянке слышал?

– Э-э... – протянул Армен. – Зачем пугаешь?

– Ну, ты, я вижу, совсем идиот. Придется познакомить тебя...

– Нет, не надо меня ни с кем знакомить. Говори короче, да?

– Коротко не получится. Послушай-ка, что я знаю про тебя. Ты проходил службу в 1992—1994 годах в Болгарии в составе Северной группировки войск. После ликвидации Организации Варшавского Договора в Болгарии остались нехилые запасы оружия, имущества, горючего, которые по наследству перешли к Минобороны России и были проданы болгарам за двадцать миллионов баксов. В конце 1994 года ты лично поучаствовал в торгах, реализовав военного имущества на двести пятьдесят тысяч «зелени», и мотнул в Финляндию. Сколотил еще более «северную», но не менее криминальную группировку и начал поставлять финские «шпалеры» в Россию. В качестве прикрытия использовал посредническую фирму. Когда тебе в голову взбрело, что по сроку давности за дезертирство ты можешь вернуться в Россию, ты – бог ты мой! – вернулся и открыл столичный офис. Ну не дурак ли ты?

– Зачем оскорбляешь, а?

– А? А дальше неинтересно. Дальше все начинается с «ну». Ну, твои связи на оружейном рынке попали под пристальное наблюдение ФСБ. Ну, была создана спецгруппа. Ну, подняли «глухарь» десятилетней давности – «дело Азаряна», которое вела в свое время военная контрразведка. Ну, раскопали в архивах в том числе и президентское распоряжение, обязывающее военное ведомство выручку от продажи излишков войскового имущества зачислять на валютный балансовый счет такой-то в Банке внешней торговли Российской Федерации. Вот тут «ну» кончаются, а «но» начинаются. Но болгарская выручка стала поступать на другие счета и совсем в другие банки. Один из счетов оказался азаряновским. Тебе знакома такая армянская фамилия? Тебя отработывали в течение восьми месяцев и вот решили взять, когда возле театра «Школа современной пьесы» был убит из финской снайперской винтовки «марк-1» некто Гольдман. Винтовку убийца бросил на месте преступления и был таков. И если я найду в твоей конторе хоть один патрон от фирмы «Сако», я раскручу тебя, Армен, на «пятерку» с плюсом. – Николай кивнул спецназовцам: – Грузите его в машину.

Когда армянина увели, Терехин отдал распоряжение появившемуся последним майору Соловьеву:

– Вадим, бери людей и начинайте с подвала, а я пока осмотрюсь тут.

– Пожарники подъехали, – сообщил майор, кашляя от едкого дыма.

– Отсылай их. Скажи, что очаг возгорания потушен. – Полковник открыл холодильник, нашел там еще две бутылки минералки и окончательно залил огонь.

Сейф в кабинете Азаряна был небольшим, однако даже сильные спецназовцы, взяв с четырех сторон, с трудом несли его к выходу. Терехин сел за стол директора фирмы и выдвигал ящики. Краем глаза он наблюдал за парнями своей опергруппы, они опечатывали системный блок компьютера и выгребали из шкафа-купе дискеты и лазерные диски.

«Опля!» Полковник стрельнул глазами в оперативников и снова опустил их: в нижнем ящике стола, прикрытые початой пачкой бумаги формата А4, лежали два австрийских пистолета «глок» с ударниковым УСМ безопасного действия Safe Action. «Неплохой «сэйв», – похвалил себя Терехин, словно был вратарем и спас команду от гола. Он положил бумагу на место и занялся другим ящиком. Улучив момент, когда в кабинете не осталось ни одного оперативника, Николай сунул один «глок» в широкий внутренний карман ветровки, а другой, прижавшая, засунул за поясной ремень и прикрыл курткой. Тихонько насвистывая «Наша служба и опасна, и трудна», он разжился еще парой магазинов к австрийским пистолетам, рассовав обоймы по карманам.

К этому времени оперативники во главе с майором Соловьевым обнаружили в подвалах фирмы серию финских снайперских винтовок фирмы «Сако» и автоматы «вальмет» под натовский патрон калибра 5,56. Всего пятнадцать штук.

Николай вышел на улицу, прищурился на солнце и потянулся. Даже покивал своей стриженной головой: «Хороший денек». Он подошел к «десятке». На заднем сиденье сидел в наруч-

никах Армен Азарян. Слева и справа от него расположились оперативники. Полковник положил руку на крышу «Жигулей» и, заглянув в салон, стерильно улыбнулся армянину:

– Везет мне сегодня. Жалко, в твоём кабинете ничего не нашел. – Он похлопал по крыше, отдавая водителю команду: – Давай, поехал!

Вечером этого же дня полковник Терехин встретился на берегу Котловки, в районе Нахимовского проспекта, со своим агентом – мужчиной лет сорока, небритым, сосредоточенным. Николай передал ему один ствол и назвал приблизительную цену:

– Полторы «штуки». Потом шепнешь, кому спихнул ствол. Будет кого ловить за незаконное хранение.

И уже на следующий день получил деньги.

Второй «глок» он оставил себе.

* * *

Близнец не переставал размышлять над организацией, которая сплачивает, пропитывает идеями – новыми, возрождает старые, забытые, может быть, позаимствованные у кого-то, над чем он в свое время не задумывался. Все это лезло на него, как змеиный копошащийся комок, гнездом которого стала его голова. Что и говорить – взбудоражили мысли, растревожили их, ткнув в самое уязвимое место. Тема могла именоваться одним коротким и зловещим словом – заговор. Ее можно было развивать до бесконечности, до крайней точки: заговор – это почти всегда преступление.

Однако, как бы это ни называлось, оно не могло повлиять на решимость и вообще на настрой.

Близнец решил встретиться с инструктором. Что касается бывшего военного прокурора, то с ним все более-менее ясно – он как бы на вершине идей организации, то есть прошел через те же сомнения и яркие вспышки активности. Он – продукт законченный. А вот инструктор... Какие мотивы двигали им, когда он раздумывал над предложением Хворостенко, а позже дал согласие?

Андрей Проскурин встретил Крапивина приветливой улыбкой и проводил гостя на кухню. Усадив его за стол, налил из термоса горячего чая, пояснив:

– Время экономлю. Один раз заварил – и на целый день хватает. Советую взять на вооружение.

Близнец отхлебнул чаю и прикурил.

– Поговорим про полковника? – предложил он в вопросительной форме.

– Давай поговорим про Хворостенко, – сразу согласился Андрей. – Заодно коснемся генерала Дронова. Мне кажется, он еще до начала военных действий в Чечне был предателем. Он не взял на себя ответственность за гибель хоть одного солдата не потому, что он не дурак, а потому, что он – *генерал*. Сейчас он курирует комитет Госдумы по обороне.

Инструктор прошел в комнату, открыл секретер и вернулся на кухню с пухлой папкой. Пошелестев страницами досье на генерала Дронова, Андрей вынул вырезанную из газеты заметку.

– На, почитай, что тут написано.

Виктор прочел:

«Комитет Госдумы по обороне, который курирует лично генерал-полковник Дронов, выступил с инициативой по ужесточению ответственности российских военнослужащих на поле боя. Разработан ряд поправок в Уголовный кодекс РФ. Прежде всего речь идет о „неисполнении приказа“, „сдаче в плен“, „неисполнении обязанностей“ и других тяжких воинских преступлениях. За „добровольную сдачу в плен по трусости“ полагается отсидеть от 2 до 10 лет. А те военнослужащие, что попали в плен не по трусости, а, скажем, по ранению,

но „добровольно участвовали в работах, имеющих военное значение, или в других мероприятиях, заведомо могущих причинить ущерб интересам РФ или союзным с ней государствам, при отсутствии признаков государственной измены будут наказываться лишением свободы на срок до 7 лет...“.

– Как тебе это нравится? – спросил Андрей. – Слышал про сталинский приказ № 227?

– Да, что-то знакомое.

– Я объясню. Очередная дроновская инициатива равносильна приказу Сталина «Ни шагу назад!». Приказ вождь подписал 28 июля 1942 года после летнего разгрома Советской армии под Харьковом. Знаешь, что такое преамбула?

– Главная тема? – попробовал угадать Виктор. Он до сих пор не мог приспособиться к необычной манере разговора Андрея Проскурина. Порой ему казалось, что капитан читает по бумажке. Что это, сила привычки? Он помнил его лекции на курсах. И еще тогда пришел к выводу, что инструктор и дома, и в кругу родных, приятелей режет так же, как на занятиях. Не мог представить его расслабленным, с улыбкой на лице. Что вот сейчас подтвердилось на сто процентов. Тяжело разговаривать с такими людьми.

– Вроде того, – ответил Проскурин, – вводная часть. Так вот, в ней объяснялось, что причиной поражения стали не бездарность командования, а трусость бойцов. Тогда заградительные отряды в случае паники и отхода расстреливали отступающих. И сейчас все идет к этому, но переориентировано на Чечню. Статьи, о которых ты прочитал, не были включены в 1996 году в Уголовный кодекс, поскольку при Ельцине законодатели исходили из принципа высшей ценности человеческой жизни и необходимости ее сохранения при любых обстоятельствах. Теперь от защитников Родины в законодательном порядке фактически потребуют совершать самоубийство. Нет человека – нет дела. Тоже сталинские слова.

В руках Виктора еще один документ, он касался все той же темы об ответственности российских военнослужащих на поле боя.

«На вопрос о соответствии предполагаемого закона нормам международного права генерал Дронов ответил, что данная норма относится к гражданам России и не рассматривалась с точки зрения международных правовых координат.

Одобренный комитетом по обороне законопроект разослан для ознакомления в правительственные учреждения. Его рассмотрение Думой может состояться в ходе осенней сессии⁵.

Близнец вернул документы капитану, допил чай и прикурил новую сигарету. Он понял, что с Андреем ему легче разговаривать на эту трудную тему. Объяснения капитана-инструктора были жесткими, четкими, после них в душе не оставалось место сомнениям. Наверное, потому, что он был почти ровесником, а перед полковником Хворостенко Витька терялся. Вспомнил, как не мог погасить торшер, дергая проклятый шнурок...

Пора задать главный вопрос, сделать то, за чем он и появился в это утро перед бывшим инструктором. Однако вот сейчас это желание потеряло остроту. И все же Близнец решил идти до конца. Он не понял, почему перефразировал домашнюю заготовку, свой вопрос, четко сформулированный по пути к Андрею. Может, понял, что мотивы у инструктора лежат намного глубже. Он не спросил, а сказал в утвердительной форме, полагая, что не ошибается:

– У тебя личные счёты с Дроновым.

– Да, – не колеблясь ответил Проскурин. – В 2000 году Дронов бросил умирать под Мескер-Юртом расчет десантников из 74-й бригады, а оставшихся в живых добил артиллерийским огнем – когда командир группы Николай Проскурин – мой старший брат – вышел последний

⁵ Документы составлены по материалам Вадима Соловьева «Депутаты реанимировали сталинский приказ», «Независимое военное обозрение».

раз в эфир и фактически вызвал огонь артиллерии на себя... Это был выход для обделавшегося генерала, и он им воспользовался. Ты же знаешь, что значит вызвать огонь на себя.

– Слышал про меня и моего наблюдателя?

– Больше того: интересовался.

– Почему сразу не сказал?

– Потому что это не только наше дело. Ты смотрел фильм «Матрица»?

– И не раз.

– Значит, должен помнить: «Я покажу тебе, насколько глубока кроличья нора». Юрий Александрович и показал мне, насколько она глубока и сколько дерьма в ней. Он открыл мне глаза, если проще. *От негоя* ни разу не слышал слов о чести, долге, честности. Он всегда говорит об искренности. Главная черта его характера – искренность. Можно легко осудить честного человека, но почти невозможно вынести справедливый приговор человеку открытому. В его команде только такие люди. И ты тоже человек искренний. Поэтому ты получил предложение влиться в нашу команду. Тебе придется поверить в это, потому что ты среди нас. Легко идти по стрелке компаса, которая всегда указывает на север, но мы идем в другую сторону. Нас мало, – продолжал Андрей, – поэтому дорожим каждым человеком. Но не все готовы рискнуть головой – у кого-то семьи, дети.

– И ты начал искать человека, который рискнул бы своей головой.

– И нашел его, – слабо улыбнулся в ответ Андрей. – Пока дело не сделано, так и будем в тени. Но потом все изменится – в лучшую сторону. Будь уверен. Сразу после этого откровенного разговора Крапивин окончательно достиг переломного момента, когда идти можно было либо вперед, либо назад. Внутренний компас, ориентированный на север, сломался и в его душе тоже. Теперь он указывал в прямо противоположном направлении.

А в ушах стояли прощальные слова капитана Андрея Проскурина:

– Витька, хочу еще раз напомнить: человек, представляющий угрозу «кабинету», уничтожается. Теперь это касается и тебя тоже.

Но в них Виктор Крапивин не расслышал угрозы, потому что не был человеком из той единственной категории, названной капитаном. И оба понимали это.

Очередная, третья по счету ночь дурманит голову, заполняет ее бродящим хмелем... Не ко времени она задает вопросы: «Ты убьешь человека?»

Ночь выплывает на окнах черные круги и пристрелочные квадраты мишеней, шепчет до боли знакомым голосом: «Кто тут хотел стать снайпером?..»

Глава 7

Первая кровь

Апрель 2003 года

Со временем напряжение слабело. Оно почти иссякло к шестому месяцу обучения. Ставший привычным срывающийся голос Андрея Проскурина прозвучал в этот раз строже, и Блинец, уже получивший эту кличку, неожиданно для себя приготовился шагнуть вперед, услышать то, что запомнил на всю жизнь: «Учти – во время выполнения задания ты можешь рассчитывать только на себя... Тебе придется смотреть, как разлетается в прицеле голова... Отныне твоим девизом будут слова: «Мы стреляем редко, но так, чтобы каждый раз попасть в цель».

Этот урок Проскурин закончил на неожиданной ноте, и у курсантов сложилось впечатление, что это последнее занятие.

– Во время курса вы стреляли по мишеням и манекенам. В реальной жизни вы не встретите человека, похожего на черный кружок или пристрелочный квадрат. – Инструктор дождался, когда уляжется легкий смешок в аудитории, и закончил: – Теперь первое, что вы увидите в оптический прицел, – это глаза. Глаза обычного живого человека.

Проскурин отпустил курсантов, задержав Крапивина.

– С тобой хочет поговорить один человек, – сказал он Блинецу и дождался стандартного вопроса:

– Кто он?

– «Купец», – ответил капитан.

– Почему так рано... и так поздно? – невольно скаламбурил Крапивин. До окончания курса почти месяц, а на часах без четверти одиннадцать вечера.

– Потому что это *особый* «купец», – сделал ударение Проскурин. – Такие люди всегда приходят раньше раздачи. Так что не удивляйся ничему. Предложение, которое тебе сделают, получают единицы – это обычная практика. Ты заметил, что я приглядывался к тебе во время курса?

– Да, у меня было такое ощущение, – ответил Виктор.

– Когда оно возникло? Припомни конкретный эпизод. И если ты сделаешь это... – капитан едва заметно покачал головой, – я назову тебя лучшим из лучших.

– Ну тогда это звание у меня в кармане, – улыбнулся Витька. – Вы задали вопрос, товарищ капитан. Точнее, прозвучала вводная. Три снайпера на позиции остались без приборов определения дальности. Первый снайпер определил расстояние до цели в триста пятьдесят метров, второй в четыреста, третий в четыреста пятьдесят. Их действия.

– Что дальше, напомним?

– Кто-то сказал, что нужно вычислить среднее арифметическое, кто-то предложил примерно то же: ориентироваться на второго стрелка. Я нашел ответ в том, что стрелков – трое. Все просто. Каждый ставит прицел и делает поправки на то расстояние, которое он определил, и стреляют одновременно из трех винтовок. Одна из пуль точно попадет в цель.

– Все просто, ты сказал? Но почему только один из тридцати ответил на эту вводную?

– Я не знаю.

– Я знаю. Пойдем со мной.

Одиннадцать вечера. Практические занятия проходили днем, теорию привычно перенесли на более позднее время. Из офицеров в центре снайпинга лишь дежурный, не считая капитана Проскурина. Правда, человек, встречавший Крапивина в кабинете инструктора, показался Блинецу военным. О том говорила его выправка – прямая спина, широкие плечи, сильные руки – и пронизательный взгляд.

На столе лежала синяя папка. Чуть лысоватый незнакомец лет сорока, одетый в рубашку с короткими рукавами, открыл ее и пролистал несколько страниц. Только после этого он улыбнулся, что очень подходило к его круглому лицу, и спросил:

– Виктор Николаевич Крапивин?

– Так точно!

– Почему решили связать свою службу с такой редкой и трудной профессией?

– Боевиков насмотрелся, – честно ответил Близнец. – Пострелять захотелось.

– Присаживайся. Андрей, вы можете идти. – Когда за инструктором закрылась дверь, военный представился: – Меня зовут Сергеем Васильевичем. Структуру, которую я представляю, пока называть не стану. На то есть много причин. Надеюсь, это понятно?

Близнец кивнул, ничего, однако, не понимая. Последний месяц, а то и два он пытался представить, как будет происходить встреча с «купцом», какое подразделение он представляет; что ждет его впереди, какая служба и где... Надеялся на то, что хотя бы два-три человека из курса окажутся вместе. Армия все-таки. Нужно держаться и жить сообща. Хотя этот вопрос был из разряда спорных. Ведь снайпер – одиночка по сути. С другой стороны, отдельное помещение для него никто не подготовит, определят в роте, в казарме, где свои правила, свой распорядок, своя жизнь. И эта неопределенность слегка пугала.

– Ты будешь служить не в рядовом подразделении, а во взводе антитеррора ГРУ, – продолжил Сергей Васильевич. – Этот вопрос закрыт. Ты доволен?

– Да. – «А вот это уже конкретно», – подумал Крапивин и едва сдержал улыбку. Взвод антитеррора, это же здорово. Но все еще с заметным холодком внутри.

– Задачи такого подразделения тебе ясны?

– Так точно.

– Назови несколько задач.

– Уничтожение террористов, – неуверенно начал Близнец.

– Ты в точку попал. Дальше можешь не продолжать. Вопрос «где?» вертится у тебя на языке. В любом месте. Какими средствами? Любыми. Любыми силами, методами и приемами. Что такое секретная операция, знаешь? Я отвечу вместо тебя. И начну с того, что к ней привлекаются люди, умеющие держать язык за зубами. Таким людям говорят: «Умрите, лжесвидетельствуйте, но не выдавайте тайны». Эти слова звучат уже много веков. Тебе интересно то, о чем я говорю?

– Да.

– Ты мысленно соглашаешься со мной?

– Да.

– Тебе выпадает шанс закончить курс практикой и доказать свою состоятельность как снайпера – лучшего из курса. Почему ты побледнел? Ты представил, что скоро убьешь человека?

– Да.

– Но рано или поздно это случится. Ты обратил внимание на последние слова инструктора о живых глазах в прицеле?

– Да.

– Я попросил его об этом. Эти слова больше предназначались для тебя. Пока я не открыл некоторых деталей нашего дела, ты можешь отказаться. Мы никого не принуждаем. Я доложу своему руководству... – Сергей Васильевич сделал паузу.

– Да нет, я согласен.

– Повтори окончание.

– Я согласен.

– Да, скоро случится то, к чему вас готовили пять месяцев. Ты не будешь знать имени человека, которого убьешь, кто он, есть ли у него семья, дети, родители. Ты хочешь спросить:

почему именно тебя привлекли к этому делу, а не профессионала, которых в нашей структуре хватает? Я отвечаю: *чтобы одним профессионалом стало больше*. Простой ответ, правда? Подумай над этим. Пять минут. Этого времени тебе хватит. Интересно, верно? Ты хочешь спросить: так ли начинают свой путь профессионалы?

– Да.

– По-разному. Но и так тоже. Мы будем присматривать за тобой, поможем, если возникнут трудности в подразделении, где ты будешь проходить службу. Если не сломаешься, у тебя появится возможность подписать с нами контракт.

Перед Виктором Крапивиным находился профессиональный вербовщик. Он знал свое дело и обрабатывал двадцатидвухлетнего снайпера легко и непринужденно. Относительная независимость всегда помогала ему избежать расшифровки причастности спецслужбы, на которую он работал, в случае срыва. То есть если вербуемый поднимет скандал, то вербовщик просто уходит, а спецслужба не страдает. В данном случае она была для него не «крышей», но легким навесом, поскольку условия для знакомства с объектом и вступления с ним в разговор все же были созданы не им.

Сергей Васильевич не скупился на обещания, которые обеспечили бы его объекту успех – это возможность проходить службу в элитном подразделении военной разведки. Объект молод, потому неурядицами в личной жизни страдать не мог, а два главных козыря – выпивка и секс – пока что были его спутниками по жизни. В духе времени.

– Ты напишешь заявление на отпуск по семейным обстоятельствам, – продолжал Сергей Васильевич. – А мы сделаем все, чтобы на рапорте появилась положительная резолюция. Конкретная работа будет проходить в городских условиях. За тридцать дней ты пройдешь интенсивный курс по определению слежки и уходу от преследования. На это тратят годы, но ты пройдешь только те ситуации, которые могут возникнуть у тебя во время этой операции.

Сергей Васильевич посмотрел на часы, улыбнулся и качнул головой:

– Ого! Половина двенадцатого. – Он вынул из папки лист бумаги и подал его собеседнику. – Внимательно прочти, поставь дату и распишись.

Близнец прочитал его дважды, потому что с первого раза он ничего не понял.

Я, Виктор Николаевич Крапивин, 1980 года рождения, добровольно даю согласие на привлечение меня в состав силового подразделения вновь создаваемой группы специалистов, не состоящих на службе в правоохранительных органах Российской Федерации, в качестве сотрудника Федеральной службы безопасности без правовой защиты. С доказательствами, установленными в ходе оперативно-разыскных мероприятий, что разрабатываемый спецгруппой «Объект» может совершить новое преступление (побег из мест заключения под стражу) и таким образом попадает под определение физического устранения (Указ Президента правительства РФ от 16 февраля 1999 года «Об экстренных мерах по защите населения от бандитизма, экстремизма и терроризма, а также иных проявлений организованной преступности»), ознакомлен.

Едва Крапивин расписался, собеседник вручил ему чистый лист бумаги.

– Пиши рапорт, Виктор, на предоставление тебе краткосрочного отпуска по семейным обстоятельствам и с правом проживания по месту жительства твоих родителей сроком на десять дней. Потом мы этот рапорт продлим. – И буквально огорошил, снова бросив взгляд на часы: – Поторопись. Нам с тобой пора отправляться.

– Куда?

– Сначала к тебе домой. Тебе нужно переодеться. Потом на «дачу». Познакомлю тебя с еще одним человеком.

«Дача» оказалась одноэтажным бетонным строением, окруженным высоким забором, на окраине Остафьева. Улыбчивый парень лет двадцати семи назвал ее «Аквариумом». И тут же пояснил почему:

– Тоже под больницу планировали. К тому же недалеко радиоцентр ГРУ – в Ватутинках. Но это не постоянное место – сегодня здесь, а завтра там. Сам понимаешь.

Близнец не знал, что находится в других «палатах», но помещение, где прошел его первый урок и знакомство с преподавателем («Слоном», на языке оперативников), походило на обычный школьный класс. Переночевал он в небольшой комнате с одной кроватью и окном, выходящим на радиовышку. Умылся в общем умывальнике в конце коридора и отметил, что до него здесь побывало несколько человек: керамический пол был изрядно забрызган водой, на длинном зеркале множество мелких крапин от зубной пасты. Ожидал завтрака, однако преподаватель сразу провел его в класс. Тут все было расписано по минутам и по иному графику. Что и нашло подтверждение в словах нового инструктора. Он сказал, что завтрака как такового в школе нет, но есть обед, ужин и что-то вроде вечернего чая. Дескать, на голодный желудок информация усваивается легче.

– Называй меня Сергеем и на «ты», – предложил молодой «слоненок», устраиваясь за столом напротив, положив ногу на ногу. И преподаватель, и курсант были одеты примерно одинаково: в джинсы, кроссовки. Они сидели боком к окну, за которым раздавался шум машин, мчащихся в сторону Щербинки и обратно. – Я буду готовить тебя к работе в городских условиях. В основном будем говорить о психологии.

– Ты психолог?

– К тому же еще и практик. Ну что же, начнем. Ты – снайпер, значит, должен ответить на вопрос: стрелковое дело – это искусство или наука?

– И то и другое, думаю.

– Ошибаешься. Это искусство. Представь: ты нажал на спусковой крючок, пуля вылетает из ствола, и ты уже никак не можешь повлиять на нее. Наукой тут и не пахнет. Но ты можешь предвидеть, что произойдет с пулей на ее пути следования к цели. Тебя учили маскировке, но вряд ли затронули тему последствий плохой маскировки. То есть все сводилось к тому, как не допустить ошибки. Потому что любая ошибка снайпера тут же влечет за собой его смерть. Я же постараюсь научить тебя, как исправить такую ошибку – буквально спасти себя. Как ты думаешь, можно заставить некурящего человека курить? Ну, конечно, не под дулом пистолета. Далеко ходить не будем, возьмем армию, подразделение, перенесемся мысленно в казарму. Рота моет пол, сержант дает команду: «Перекур! Некурящие продолжают драить пол». Уверен, ты возьмешь в рот сигарету. Так и мне придется сделать нечто подобное.

С этого момента для Близнеца началась иная работа. Одна вводная следовала за другой. Раз за разом обнаруживали его снайперскую позицию, и он, бросив оружие, мысленно уходил от преследования «в городских условиях». Но всякий раз его «ловили».

Занятия проходили то в классе, то на улице. Порой Сергей приглашал Близнеца в кафе, и обучение проходило в непринужденной обстановке: пили кофе, жевали сандвичи. Иногда «слоненок» заговорщически подмигивал и заказывал по кружке пива.

Такие открытые кафе всегда соседствовали либо с постом ДПС, либо с вещевым рынком, либо с опорным пунктом правопорядка. Сергей обращал внимание Близнеца на работу милиции и задавал вопросы: почему наряд не остановил озирающегося бомжа с двумя полиэтиленовыми пакетами, но задержал молодую пару кавказского вида и увел их с собой; почему гаишники игнорируют «Москвичи», «копейки», малолитражки с женщинами и пенсионерами за рулем, но тормозят иномарки и фуры; почему не подошли к дорожникам, которые пригнали компрессор и, отгородив участок тротуара невысокими щитами, взялись за отбойный молоток и лопаты. И еще много-много вопросов.

Маскировка – второе оружие снайпера. Близнец еще долго не остынет от многочисленных, нескончаемых и изнурительных учений в центре. Стандарт, принятый во всех подразделениях по подготовке снайперов: сутки делятся на две части – занятия в залах и в поле. «Охотники по призыванию» учатся днем и ночью.

Вводная: курсант должен незаметно подобраться на двести метров к наблюдателям с мощными оптическими приборами, выстрелить холостым патроном, затаиться и ждать. Он получает право выстрелить еще раз, если наблюдатель-инструктор не смог определить место подобравшегося снайпера. Если и в этот раз опытный инструктор не смог установить расположение огневой позиции, курсанту ставится «зачет» данного этапа.

Незаметно пробраться означает пропахать на брюхе с километр и более, маскируясь реденькими кустами, пеньками, мотками брошенной в поле проволоки, прятаться за кочками, укрываться в ямках. Зная, что тебя ждут. Фактически зная твой маршрут. Зная тебя по имени, в лицо. Зная твои возможности. Но главное – это знания и возможности опытных инструкторов.

Да, в центре снайпинга все было более или менее понятно. Теперь же для Виктора этим полигоном смерти стал целый город – пусть даже воображаемый. Но именно воображение, по словам Сергея, играет главную роль.

Занятие в классе.

– Тебя вычислили, тебя ждут в городе, знают по имени и в лицо, знают твой маршрут и возможности. Это серьезная вводная, согласен?

– Да.

– Но ты связан приказом. Точнее, отсутствием распоряжения бросить все к чертовой матери и возвращаться. Ты обязан выполнить приказ. Запомни, Виктор: *чтобы скользнуть под корягу и укрыться за ней, нужно быть ужом, а не стараться быть им*. Подойди к зеркалу и придумай, как изменить внешность, чтобы иметь возможность передвигаться по городу-полигону. Маска. Тебе нужна маска. Второе оружие. Смотри и думай. Исходи из того, что у тебя под рукой есть банальные средства маскировки – ватные тампоны для утолщения носа, шарики под щеки, краска для волос, фальшивые усы и борода. Смотри и слушай меня. Думай о том, что вот в этот момент я спасаю тебя. Сотни людей ежедневно изучают тебя по фотографиям, запоминают тебя с короткими волосами, с длинными, с усиками и без них, с бородой и без нее, с короткими баками, с длинными, с узкими и широкими. Мысленно утолщают твой нос, прикидывая, как он будет выглядеть с ватными шариками в ноздрях. Утолщают твои щеки, которые топорщатся, как воспаленные желваки, изнутри шариками. Обесцвечивают твои брови, подкрашивают волосы... Думай и не жди от меня ответа. Держи в голове правило: ставь себя на место противника. Ищи ту единственную маску, которая не позволит узнать в тебе человека, разыскиваемого сотнями людей.

И Близнец поставил. Не сразу. Прошло много времени. Но он нашел ту единственную маску. У него даже мурашки пробежали по телу. Он смотрел на свое отражение в зеркале, но видел и гипнотический взгляд «слоненка». И приписывал родившийся ответ ему, а не себе.

Ищут изуродованного человека, фантастическое существо, которое каждое мгновение меняет свой образ. Он понял, какую ошибку допустили воображаемые спецслужбы, давая ему *естественную* маску. Они возвратили ему его лицо, а сами остались с обезображенным и неузнаваемым ликом снайпера. Они уверены, что преступник изменит свою внешность. И чтобы переиграть их, внешность менять не надо. Это касалось конкретной вводной. А сколько же их впереди?

Сергей улыбнулся. Он все прочитал по выражению лица снайпера. Он достиг результата, заставив курить некурящего.

Он поманил Близнеца за собой и присел за стол. Вынул из папки несколько снимков незнакомого человека лет двадцати с небольшим. Дал посмотреть на него и убрал одно фото в папку. Остальные пододвинул снайперу и вручил набор фломастеров. Виктор понял, что от него требует инструктор.

Он взял в руки фломастер и приступил к работе. Длинные волосы, бородка, усы. Просто длинные волосы. Просто усы. Просто бородка. Тени под глазами, под крыльями носа. Тени под щеками. Очки.

Работа закончена. Перед глазами пять разных лиц. У Витьки была феноменальная зрительная память, но он не мог вспомнить *настоящее* лицо этого человека. Чтобы проверить себя, он смело взял из папки шестой снимок, который он долго изучал.

– Узнал ты его или нет, вопрос так не стоит, – наконец-то подал голос Сергей. – Узнают известных актеров, родственников. Узнают людей узнаваемых. А этот снимок просто был лишним, потому что его не коснулись изменения. Слушай внимательно. Инструкции: «Так выглядит этот человек. Но он может выглядеть следующим образом...» И все. Рука машинально отодвигает оригинал. Мозг получил другую установку. *Чтобы скользнуть под корягу и укрыться за ней, нужно быть ужом, а не стараться быть им.*

Близнец был близок к тому, чтобы вскоре стать вооруженной до зубов коброй.

Он учился и часто ловил себя на мысли, что не хочет идти ни в какую армию, ни о каком элитном подразделении не думал. Ему хотелось вечно слушать ленинский призыв: «Учиться, учиться и еще раз учиться». Он узнавал много нового и реально мог представить себя в той или иной ситуации. Безудержно хотелось подменить «слопенка» и приступить к обучению какого-нибудь салаги: «Смотри и слушай меня. Думай о том, что вот в этот момент я спасаю тебя».

Он понял, что его спасали. Что игра с ним ведется честная. Ему давали не один, а много шансов, чтобы выполнить задание и уйти. Выбраться из капкана. Вряд ли его бросят на том или ином этапе операции, его готовят к самым неожиданным вариантам. А их десятки. Та вводная, которую решил Крапивин, оказалась самой сложной, но он решил ее, и остальные щелкал как орехи. Тем не менее любое принятое им решение не давало стопроцентной гарантии.

Он был уверен, что впереди не одна секретная операция, иначе его не стали бы готовить с такой тщательностью. Впереди долгая и интересная работа. Об этом даже намекнул Сергей: мол, я работаю с тобой на долгую перспективу и не только как со стрелком, а с человеком, который реально может добыть ценную информацию. А на вопрос Близнеца, зачем тогда ему идти в армию, Сергей ответил: «Чтобы ты стал настоящим мужчиной и набрался опыта».

Но ни Виктор, ни Сергей представить не могли, что через семь месяцев синеватую папку, которую Близнец видел в руках Сергея Васильевича, перечеркнет жирная красная полоса. За подписью оперуполномоченного ФСБ она уйдет пылиться в архив с сопроводительной надписью на последнем подшитом к его делу листе: «Нефункционален без каких-либо негативных эмоций».

То будет приговором его «как сотрудника Федеральной службы безопасности в составе группы специалистов».

Его испортит ненависть и месть к конкретному человеку. Оперуполномоченный, ставя крест на деле Крапивина, так и скажет: «Испортили человека». Точнее, стрелка. Зная, что тот всегда, держа в прицеле чью-то голову, будет видеть генерала Дронова. Оружие снайпера должно быть всегда чистым и холодным – это правило. Оно распространялось и на живого человека. Вряд ли у него задрожат руки, но ему был уготован другой путь, криминальный.

А пока Близнец учился, учился и учился.

– Иногда полезно руководствоваться голосом свыше – но только иногда. Когда именно? Когда ты услышишь настойчивые интонации. Настанет время, и ты проверишь себя, свой настрой. Ты будешь на виду, за твой облик будут цепляться бдительные глаза, но только для того, чтобы отметить и забыть. Запомни одну истину: чтобы тебя не заметили, нужно быть просто уверенным в себе. Невозможно отогнать страх, но – есть такая техника: если страху пойти навстречу, страх исчезнет.

Следующая тема.

– Ты попал в трудное положение. Тебе нужна помощь. Ты должен выложить перед незнакомым человеком четыре существенных фактора, которые помогли бы ему принять выгодное для тебя решение. Во-первых, ты должен расположить его к себе. Как? Подумай.

«Может, сказать ему правду? – думал Виктор. – Заодно можно отыграть и время. Это как очная ставка, – сравнил он, – где человек говорит искренне, а ему, соответственно, верят и идут навстречу». Однако здесь он подсознательно обнаружил очень важный момент: он не должен использовать этого человека шире... шире...

Он так и не смог подобрать определения. Помог Сергей:

– Ты не должен использовать его дважды. Ему решать, выпускать тебя из клетки, в которую ты угодил, или нет. Ты обратился к нему, значит, он твоя последняя инстанция и надежда. Он слушает тебя, дарит шанс – пусть даже призрачный. Если он встанет на твою сторону, в этом твоей заслуги не будет. Разве нужно продолжать эту тему? Затронем другую. Навсегда забудь о дешевых трюках, они проходят только в кино.

* * *

«Придешь на место в парике, уйдешь без него. Жильцы чаще запоминают тех, кто вошел в подъезд, а не тех, кто вышел. Обычно смотрят на руки – пустой ли выходит. Это далеко не правило, но с этой стороны тебе будет легче».

Близнец, фактически работая на «контору», не переставал удивляться ровному, даже дружескому отношению. На его вопрос Сергей ответил не задумываясь:

– У нас по-другому не бывает. Только ты хотел спросить не об этом. У нас особый отдел, значит, и отношение к работе и к агентам особое. Не все волки, как ты думаешь, но зубы есть у каждого. И не дай бог тебе увидеть оскал. Мало не покажется. Если ты захочешь уйти, тебя держать никто не станет. Тебе стандартно предложат забыть все. Но никто ничего не забывает. Об этом ты должен помнить всегда. Нет, чесоткой в нашем отделе никто не страдает, по поводу каждого агента под рубашку не лезут. Представь себе отдел в целом. Идет обычное совещание, запрос на то или иное лицо, задействованное в том или ином деле, операции. Идет запись, ведутся протоколы. Секретную информацию выслушивают и хранят десятки людей. А на круг выходит сотни. Это давно устоявшаяся практика. Каждый занимается своим делом. Одни планируют, вторые обеспечивают, третьи исполняют. Если желаешь, это производственный процесс. Вижу, ты хочешь спросить: почему бы тому, кто обеспечивал и оборудовал огневую позицию, самому не нажать на спусковой крючок? Ответ простой: наша «контора» не терпит универсальности.

* * *

Огневая позиция находилась на третьем этаже трехэтажного же каменного дома, отстоящего от Обнинского следственного изолятора на сто сорок метров. Снайперу ставилась задача ликвидировать человека в камере, выстрелив через решетку и «реснички». Одна металлическая пластина была отогнута, что давало пятисантиметровую щель как для выстрела, так и для того, чтобы узнать жертву.

Согласно данным, в камере было четыре подследственных. Через металлические «жалюзи» невозможно было разглядеть даже половины лица. Свою жертву Близнец должен был узнать по глазам, взгляду, прищур, по выгнутым домиком и словно удивленным бровям.

Он долго изучал его фотографию, точнее, узкую полоску – глаза, брови, часть носа. Он не хотел видеть и запоминать человека, которого должен убить. С другой стороны, так было удобней: внимание не рассеивалось на губы, подбородок, уши. Эти лишние детали могли помешать

в определении. Именно так ему и предложили изучить снимок и закрыли полосками самоклеющейся бумаги верхнюю и нижнюю части изображения.

Он припомнил последние слова инструктора: «Первое, что вы увидите в оптический прицел, – это глаза. Глаза обычного живого человека». Не только стрелять, даже думать об этом было очень и очень трудно. Почти невозможно было пересилить себя.

Виктор ничего не трогал в комнате, где шел ремонт. Точнее, ремонт давно приостановился. Стены ободраны, потолок в неровных слоях штукатурки. Посреди комнаты деревянный стол, застеленный кусками старых обоев. А на них толстенный слой пыли. Близнец не стал смахивать пыль, положил под ствол винтовки мокрую тряпку, чтобы после выстрела не поднялась пыль. Действовал скорее механически.

С винтовкой «СВУ» с литерой «А» снайпер был знаком. По сути она была модификацией «СВД» и имела устройство глушения звука и прицел с переменной кратностью – до двенадцати. Фактически Виктор мог приблизить цель так, как если бы смотрел на нее невооруженным глазом с расстояния десяти метров.

Он надел тонкие матерчатые перчатки, взял оружие в руки и... Вот сейчас он узнает правду. До сей поры ему казалось, что это мероприятие – учебное. Просто очень серьезная вводная. Он отсоединил магазин и выщелкнул патрон. Боевой. Снайперский винтовочный патрон калибра 7,62. Вот и все. Теперь бесполезно тренировать голову.

Снайпер достал из пакета старые тренировочные штаны и надел их поверх джинсов. Устроился на полу и взял оружие на изготовку. Первым делом отыскал нужное окно следственного изолятора и еще раз проверил. Точно оно, на третьем этаже восьмое справа. Отличительная особенность: пятая снизу пластина отогнута, образуя «танковую» щель. Выстрел в амбразуру, сопоставил Близнец. Первый выстрел по живой цели. Невероятно сложный. Ошибка в определении выливается в убийство другого человека. Но стоит ли говорить о какой-либо разнице в данной ситуации? Похоже, пришел к выводу снайпер, именно для него разницы не существовало.

Впервые. Впервые убить человека. Страшно оттого, что где-то на очереди второй, третий. Все инструкции преподавателей и психологов сейчас казались дешевкой: ничему они не научили. Потому что просто готовили и фактически не заботились, как будет расхлебывать это варево их подопечный. Наверное, у них есть ответ на этот вопрос: обычно. Все ответы лежали за сухим щелчком и стремительным полетом пули.

Близнец вздрогнул, когда увидел в «амбразуре» чьи-то глаза. Кто-то подошел к окну и жадно смотрел на улицу, на проезжающие мимо машины. Смотрел прямо в оптику снайперской винтовки.

Жуть. «Кошмар на улице Вязов». Волосы дыбом.

Он или не он? Уголки глаз опущены, брови широкие, сросшиеся на переносице.

Не он.

СЛАВА БОГУ...

А может, он вообще не подходит к окну? Эту наиглавнейшую деталь ему не объяснили. Наверное, посчитали лишней. Наверняка знали, что «клиент» периодически подходит к окну. А что еще делать в камере? Путь даже там есть телевизор. На улицу-то все равно взглянуть хочется. Вот она, в нескольких метрах, за высоким забором, опутанным «егозой». Свободу стерегут часовые на вышках, топчут собаки в контрольном коридоре.

Одну пару глаз сменили другие. В них явно написана тоска. Воображение, о котором не переставал твердить «слоненок», помешало определить в них те, которые снайпер долго изучал по фотографии. Тоска... Ее невозможно определить с десяти, а тем более со ста пятидесяти метров. Какие бы чувства они ни источали, все равно притупятся, пооботрут в долгом пути до черной шахты холоднокованого винтовочного ствола. А дальше – падение в бездну, протяжный крик, мрак и тишина.

Витьке показалось, что раньше он видел этот взгляд, характерный прищур, выгнутые домиком и словно удивленные брови. Как обухом по голове ударили. Словно вдолбили в башку тупой клин откровения: *это он*.

Одна спираль, другая. Ствол винтовки гулял по невидимому серпантину и никак не мог успокоиться.

Не сейчас, нет, не сейчас. Позже. Когда он еще раз подойдет к окну. Может, за это время он выпьет чаю, вспомнит что-то, представит, улыбнется...

Улыбнется...

Живой человек. Он не похож на черный кружок и пристрелочный квадрат.

Глаза. Почему не дали изучить его затылок? Вот он повернулся, и в желтушном свете лампы видна часть его коротко стриженного затылка.

Выстрелить? Он попадет – руки успокоились, ствол словно сорвался со спирали и замер на одной точке.

Можно выстрелить, записать в актив первое точное попадание, но в то же время и проиграть. Получалось, он выкрутился, притворился ужом и скользнул под спасительную корягу.

Узкие, близкорасположенные к переносице глаза... Еще одни – широко распахнутые, защищенные сверху, как козырьком, сросшимися бровями...

Сорок пять минут на позиции. Много. Устал. Нужно отдохнуть, пройтись по комнате. Но не слышно приказа. В ушах отголоски другого.

Глаза с характерным прищуром, выгнутые домиком и словно удивленные брови. Из глаз хлещет тоска...

– Давай, – шепнул себе снайпер. Он нажимал на спусковой крючок с таким чувством, словно ствол винтовки каким-то немислимым образом упирался в его собственный висок. Сейчас винтовка дернется, а за хлопком выстрела уже нельзя будет разобрать мгновенного перехода от жизни к смерти.

Переход. Близнец переходил из одного состояния в другое. Разом. Резким толчком в плечо. Мир изменился для него, для остальных – нет. Облачко пороховых газов накинulo на него ореол тайны, с которой слетело все страшное, что было связано с ней. Выстрел принес освобождение, и все тревоги и переживания, предшествующие ему, ушли прочь.

Близнец стряхнул пыль с тренировочных брюк, стянул перчатки и положил их в кармане джинсов. Невесомый парик, слегка закрывающий уши, также уместился в карман.

Он вышел из подъезда и тем человеком, который вошел в него полтора часа назад, и в то же время другим. На нем была другая одежда, его облик изменился. Кто стрелял – тот, кто вошел, или тот, кто вышел? Свидетели опишут двух разных людей, а в итоге может получиться что-то среднее. Уже с этого момента Близнец бросил в копилку своего опыта очень важные детали.

Он сел на электричку и доехал до Алабино. Прежде чем выйти, он прошел в четвертый вагон и в туалете снял широкие тренировочные штаны, оставшись в джинсах. Потом дважды поменял частника, доехав вначале до Измайлова, а потом до Остафьева.

Сергей передал ему деньги – тысячу рублей – и словесные инструкции:

– Езжай домой, переодевайся и возвращайся в центр. Мы будем приглядывать за тобой.

И даже не спросил, как все прошло. Наверное, уже знает, рассудил Крапивин.

В центре его ждало предписание о прохождении дальнейшей службы в 22-й отдельной бригаде спецназа ГРУ – Аксай (Ковалевка). Через две недели в составе взвода антитеррора был командирован в Веденский район Чечни.

Глава 8

Подготовка к убийству

29 июня – 1 июля

Шторы в комнате были все так же запахнуты. Косые лучи солнца падали на стену там, где занавеска прилежала к стене неплотно, и смягчали мрачные тона обоев, высвечивали давно потускневший узор.

Дверь в комнату хозяина была закрыта. Голоса искусственно зашумлены работающим на волне «Маяка» радио. Будто по заказу, только что прозвучала любимая песня Крапивина. Он заучил наизусть каждый звук, который был для него живым. В его представлении гитарные и фортепианные аккорды словно обыгрывали, переплетались, любили друг друга и не могли расстаться. Долго – казалось, нескончаемо долго музыканты касались клавиш и струн, прежде чем приняли, допустили к себе другого. Его голос казался живым инструментом: «Повесил свой сюртук на спинку стула музыкант. Расправил нервной рукой на шее черный бант. Подойди скорей поближе, чтобы лучше слышать. Если ты еще не слишком пьян...»

Близнец мог слушать эту песню вечно, переносясь в неизведанный мир покоя, безмятежности и грусти. Казалось, она была создана специально для него. Она подходила к любому настроению. Она была дождем – но не тем, которого ждут с нетерпением, а просто дождем, каплями, стучащими по крыше и отдающимися в груди. Дождем, под который хочется подставить лицо и закрыть глаза...

«Устала скрипка. Хоть кого состарят боль и страх. Устал скрипач, хлебнул вина, лишь горечь на губах. И ушел не попрощавшись, позабыв немой футляр, словно был старик сегодня пьян».

Красиво. Если у природы и есть такой мотив, как-то подумал Виктор, то под него она засыпает осенью. Это как опустить голову на подушку и загадать свой сон, зная, что ты его обязательно увидишь. Что проснешься совсем другим и будет звучать при пробуждении другая песня – но с чувством, что услышишь и ту – первую и последнюю. И все повторится вновь. То казалось вечной жизнью, подтверждало истину: «Мы живем вечно, но только не знаем этого». Вечность – это и есть человеческая жизнь. Она начинается ниоткуда и уходит в никуда. Миллиарды вечностей, проникающих друг в друга.

– ...Мы узнали, что Дронов как минимум дважды в неделю встречается со своей дочерью, – объяснял Проскурин. Полковник Хворостенко не принимал участия в обсуждении деталей готовящейся акции. Он гостил сейчас у своего сына в подмосковной Ивантеевке. Он был далеко от этого дома и не очень взволнован. Он не мерил шагами комнату, опираясь на трость, но даже на инвалидном кресле, в которое он сел «для пушей убедительности», он мог проехать по объездной дороге законов. Опытный юрист, он был уверен, что в данный момент работает та часть, озвученная генералом Свердлиным:

«Вы принизите свою роль до минимума: «Я лишь приоткрыл им глаза на правду». В этом и заключается ваша работа. Для вас убийство Дронова и арест исполнителей – тоже трагедия. Вы не рассчитывали на такое продолжение. Плюс еще один важный момент из разряда «если вдруг», который вы вынесете на обсуждение с исполнителями. Мы сделаем все, чтобы их арестовали как можно быстрее. Вы же сделаете ударение: *в случае ареста они должны делать упор на идеологию*. Они замучаются считать адвокатов от левых и правых и могут рассчитывать на относительно мягкий приговор. Это положительный момент, и мы в первую очередь будем ждать именно его. Мне тоже жалко этих парней. Но кто знает, может быть, уже сегодня мы творим для их сверстников достойное будущее».

На столике лежала подробная карта района и карандашные наброски.

– Машина – бронированный «Мерседес» из гаража особого назначения – останавливается у подъезда, генерал быстрым шагом направляется к нему под защитой двух телохранителей. Понятно? – спросил капитан.

– Да, – ответил Близнец. – Пока ничего сложного.

– Сумерки, – продолжал инструктор, кивнув. – Снять его в этот короткий отрезок времени практически невозможно. Единственный вариант – стрелять через окно в квартире, через стеклопакет. Я наблюдал за этой квартирой в течение трех недель. Днем шторы распахнуты, на ночь хозяйка сдвигает их. Но на кухне занавески всегда собраны с двух сторон и стянуты лентами. Получается обзор в виде треугольника. Через него видна и часть прихожей. Как раз то место, где висит зеркало. Генерал всегда смотрится в него, прежде чем выходит из квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.